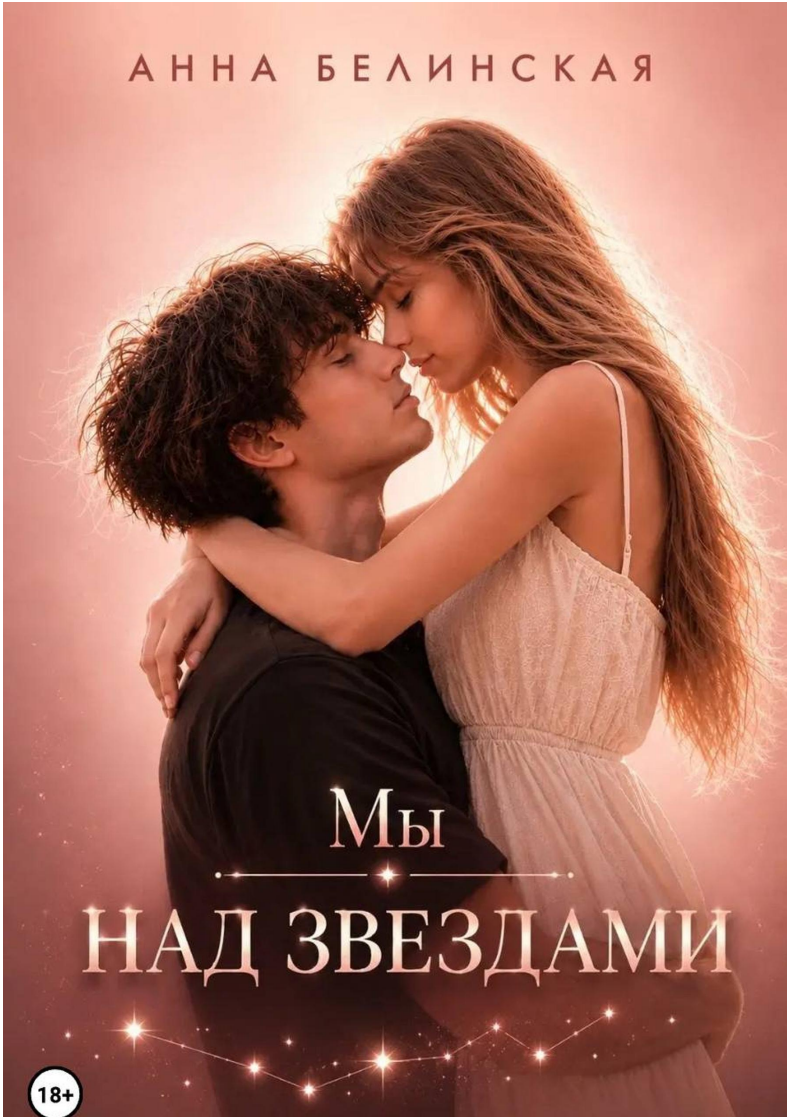

АННА БЕЛИНСКАЯ
Мы
НАД ЗВЕЗДАМИ
18+

Анна Белинская
Мы над звездами

https://litres.ru/74814984
SelfPub; 2026

Аннотация

Когда-то у них обоих были мечты.

Она хотела писать музыку. Он — покорять ледовые арены.

Но судьба оказалась жестокой. Лиза слишком рано узнала, что такое потеря, и взвалила на свои плечи ответственность за семью. Никита лишился хоккейного будущего и научился прятать разочарование за улыбками.

У неё нет времени на любовь. У него — желания кому-либо объяснять своё прошлое.

Они не должны были стать друг для друга чем-то большим, чем случайное знакомство.

Но иногда именно тот, кого ты меньше всего ждёшь, помогает вспомнить, кем ты был до того, как жизнь заставила тебя отказаться от себя.

Возможно, чтобы однажды оказаться выше звёзд, нужно сначала найти человека, который не побоится лететь рядом.

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	11
Глава 3.	18
Глава 4.	24
Глава 5.	38
Глава 6.	46
Глава 7.	56
Глава 8.	62
Глава 9.	77
Глава 10.	86
Глава 11.	94
Глава 12.	100
Глава 13.	108
Глава 14.	115
Глава 15.	126
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Мы над звездами

Глава 1.

Москва, сентябрь

Лиза

На ходу снимаю наушники и отправляю их в футляр. Быстро прохожу через рамку металлодетектора. Его характерный звуковой сигнал в пустом коридоре Спорткомплекса звучит чересчур громко и вынуждает Рому повернуть голову в мою сторону. Брат смотрит исподлобья, потом опускает взгляд на носы своих кроссовок, размер которых напоминает космическую станцию. Ромке двенадцать, он на семь лет младше меня, и мы с ним уже одного роста.

Его баул с экипировкой небрежно брошен рядом на скамье, под ней — клюшка.

Когда подхожу ближе, Рома лениво вытягивает вперед длинные ноги и поднимает лицо, два круга глазами по которому мне достаточно, чтобы сделать вывод.

— Что с настроением? — спрашиваю я, перекатив во рту жвачку.

— Нормальное, — бормочет он без энтузиазма.

— Нормальное?

— Ага. Круче только переваренные яйца. Тебя Саныч просил зайти.

Саныч — тренер хоккейной команды, в которой брат играет шесть лет.

— Жаловаться будет? Ты кому-то жестко навалял? — прищуриваюсь я.

Рома закатывает глаза и дергает головой, смахивая со лба длинную лохматую челку. Она ему мешает, а меня бесит, но, по словам брата, так модно, а спорить с подростком в пубертате… Проще откусить себе палец.

— Мне нужно больше инфы, чем твои закатанные глаза, — произношу твердо.

Рома цокает.

— Ты сама так постоянно делаешь, — не без основания припоминает он. — И никого я не трогал, просто они — лошары и играть не умеют!

Ну разумеется!

— Ясно. Жди здесь. — Бросаю рюкзак поверх Ромкиного баула. Стягиваю с головы шапку-носок и сую ту в карман джинсовки. Приглаживаю волосы.

— Саныч меня тоже звал, — сообщает брат, поднимаясь со скамьи.

Я снова прищуриваюсь.

— Мне стоит переживать?

— Я не знаю! — психует он и устремляется к тренерской.

Я тороплюсь следом, машинально готовясь услышать что-

нибудь неприятное, ведь в последнее время только и получаю, что паршивые известия.

Отправляю в урну зажеванную до состояние безвкусной резины жвачку, а потом стучу в дверь, бросая на брата подозрительные взгляды, на которые он привычно закатывает глаза.

Как только слышим «войдите», толкаю дверь и пропускаю вперед себя Рому.

— Здравствуйте, — приветствую Пал Саныча. Он стоит у рабочего стола боком к нам, опустив глаза в бумажный лист.

Подняв лицо, смотрит сначала на брата, потом переводит внимание на меня:

— Привет.

— Рома сказал, что вы просили зайти, — произношу, закрывая за собой дверь. Делаю два шага внутрь и подталкиваю брата в спину, чтобы не стоял истуканом.

Саныч кивает. Опускает лист на стол.

— Он что-то натворил? — с опаской предполагаю я.

Слышу, как Ромка фыркает.

— Кроме того, что игнорирует своих товарищей по команде и пытается тащить всё на себе, ничего криминального, — мягко глядя на брата, сообщает Саныч.

— Но если мне приходится это делать?! — моментально заводится Рома. — У двадцать первого реакции — ноль! Вы же сами видели сегодня: ему все орали, чтобы пасовал в мой угол, а он только головой крутил!

— Считаешь себя крутым? — Снисходительно улыбается Саныч и складывает руки на груди. — Может, и так. В нашей секции ты действительно лучший, — насмешливо выгибает бровь он. — А что, если твоими товарищами по команде станут игроки «Сокола»? — Саныч делает выразительную паузу, после которой обрушивает на нас головокружительную информацию: — Я порекомендовал тебя тренеру юношеской команды «Сокол»[1]. Вперед. Дерзай. Все в твоих руках.

Кажется, я слышу удар наших с братом челюстей о пол.

— Хоккейный клуб «Сокол»? — переспрашивает Рома, судя по всему не веря собственным ушам.

— «Сокол», — усмехаясь, подтверждает тренер. — Отбор в команду уже закончен, но если ты покажешь себя на тренировке так, как я тебя презентовал, то тебя, Ром, заметут с руками и ногами.

Я шокирована.

— Ух ты… — растерянно комментирую я, боясь спугнуть фургон с пряниками, который неожиданно, а может, случайно, заехал на нашу с братом улицу.

— Не сомневайтесь, Павел Александрович! — не без порции высокомерия многообещающе заявляет Рома.

— Ну знаешь, дорогой, не будь таким самоуверенным, — осекает его тренер. — Если в нашей секции ты лидер, это не значит, что в Академии ты хоть на тридцать процентов будешь таким же техничным, как ее игроки. Там совершен-

[1] Вымышленное название хоккейного клуба

но другой уровень, нагрузки в несколько раз выше и, соответственно, требования. Так что вам, ребята, есть о чем подумать, — Саныч поочередно оглядывает нас с Ромой, пока мы стоим молча и неподвижно. Оба пригвожденные к полу тонной услышанной информации. Но под этим весом я все же способна различить шар распирающих грудь эмоций: удивление, приятную взволнованность и гордость за младшего брата. — Посоветуйтесь с отцом, взвесьте все «за» и «против». Но нужно понимать, что, если тебя, Ром, возьмут, хоккей станет не только любимым занятием, но и работой. Будь готов к тому, что тренировки будут накладываться на учебное время. Придется правильно расставлять приоритеты. В свою очередь Академия берет на себя полное обеспечение, включая сборы. Вот такая перспектива, — Саныч подхватывает со стола телефон и ключи от машины. — Думайте, решайте. Лично я всегда за то, чтобы попробовать. Вернуться в наш клуб ты всегда сможешь, а такого шанса больше может и не подвернуться.

Брат шумно выдыхает. Он возбужден и взволнован.

— Спасибо, — мы прощаемся с тренером, обещая, что обо всем подумаем и на днях примем решение, хотя я знаю, ни о каких сомнениях и речи нет. Рома уже бесповоротно все для себя решил, а я ни за что не позволю ему потерять такой шанс, ведь играть в самой титулованной команде страны — его заветная мечта.

Я снова пропускаю брата вперед, когда выходим из тре-

нерской.

— Лиза! — слышу в спину. Я оборачиваюсь. — Все спросить хотел… — Саныч пристально смотрит в глаза, — а отец-то ваш почему перестал на игры приходить? Давно его не видел.

Всплеск обиды и злости за секунду превращают меня в натянутый жгут, пульс подскакивает будто по нему ударили кулаком.

— У него много работы. Не успевает, — убедительно вру я.

Саныч кивает и больше ни о чем не спрашивает, избавляя меня от необходимости лгать, что на следующую игру отец обязательно придет.

— Поверить не могу! — сияет Ромка, когда выходим из Спорткомплекса. — Я буду «соколом»!

На его щеках взрываются розовые круги. Густая отросшая челка упала на глаза, но блеск в них сочится сквозь темные пряди. Он даже не берет во внимание, что может провалить эту отборочную тренировку, — настолько уверен в себе.

— Ты будешь ослом, если, переоценив свои возможности, облажаешься. Не зазнавайся, ладно? И помни, что за каждым крутым и успешным мужчиной стоит закатывающая глаза женщина, — я намекаю на себя.

Ромка смеется, кажется, до сих пор не веря ушам и источая свет всех цветов радуги, пока по-братски треплю его за мягкую шевелюру. Ради этой широкой улыбки на пол-лица

я каждый день выпрыгиваю из кожи.

Если что и способно превратить мою кровь в ванильный сироп, так это возможность видеть брата счастливым. В этом плане я слабачка.

Брат эмоционально фонит всю дорогу до дома. И дома тоже продолжает это делать, даже когда находим кухню в состоянии, будто по ней проехался бульдозер и смел все на своем пути, и пустую морозилку, в которой еще сегодняшним утром были пельмени.

Глава 2.

Спустя два дня

Я кручу головой по сторонам, чтобы на огромной парковке Академии «Сокол», которую пересекаем, нас с братом не сшибли. Здесь океан припаркованных машин и чуть меньше тех, кто ищет свободное парковочное место.

Торопливо перебегаем узкий проезд.

Мой телефон издает короткий звук, оповещающий о входящем сообщении, и я лезу в карман джинсов, слегка замедлив шаг.

На экране ник моей подруги Арины. На автомате открыв с ней чат, ныряю в переписку.

OSTOROЖNO#3LAЯ#SOБАКА: Если ночью я не должна есть, то зачем лампочка в холодильнике?

Сообщение сопровождается задумчивым стикером. У Ари чересчур развито клиповое мышление, и на каждый случай у нее есть соответствующий мем.

Остановившись и перекинув рюкзак на левое плечо, я пишу ей ответ:

Кто-нибудь, позовите Лизу: Давай подумаем над этим сегодня на смене

Помимо мемов моя подруга обожает задавать вопросы. Они рождаются у нее внезапно и причиной может стать что угодно. Это забавно, ведь ее вопросы — чаще всего какие-то

головоломки или же пустяк, на который, если бы не Ари, я бы никогда не обратила внимание.

— Лиз, давай быстрее! — поторапливает меня брат.

Гашу экран и поднимаю лицо. Рома уже практически у входа в Академию, и я пихаю телефон в карман, краем глаза замечая стремительное движение справа от себя.

Я поворачиваю голову одновременно с тем, как в паре метров резко тормозит огромная черная машина.

Я перестаю различать внешний мир.

Это происходит как вспышка.

Не чувствую ни дыхания, ни стук собственного сердца. Словно ослеплённая фарами в темноте ночи я неподвижно стою и слепо смотрю прямо перед собой. А потом я проваливаюсь в воспоминания, и меня оглушают визг шин, скрежет металла, крики, оглушительные удары и звуки разбитого стекла…

— Лиза! Лиз!

— Эй, все нормально?

Голоса меня встряхивают. Выдергивают на поверхность, где я чувствую грохот своего сердца и дышу так часто, будто мое дыхание сорвалось с цепи.

— Ты жива? — звучит мужской голос поверх приглушенных басов.

Я перевожу взгляд на голову, высунувшуюся из окна внедорожника. Темноволосый придурок за рулем чуть меня не сбил. Он по-царски восседает и смотрит так, словно это я

чуть не наступила на его «танк».

— Здесь парковка, а не гоночная трасса! — Бросаю в него убийственный взгляд.

Я не жду, что он скажет в ответ. В любом случае от таких, как он, ничего хорошего и разумного не дождешься. Спорить с ним я тем более не собираюсь, как и что-то доказывать, даже если я сто тысяч раз права.

Я отворачиваюсь и поспешно перехожу еще один проезд, на котором, оказывается, остановилась, когда писала сообщение. Мои ноги тяжелые и скованы паникой, и до входа в Академию я добираюсь через преодоление.

— Придурок, — зло бормочу, придерживая дверь, чтобы брат смог вкатить хоккейную сумку.

Воспоминания все еще настолько чувствительны и осязаемы, что приносят помимо душевной боли физическую. Меня мелко трясет, и я ловлю на себе взволнованный взгляд Ромы, на который отвечаю:

— Все в норме.

Я не хочу поддаваться панике. Не хочу, чтобы она мной управляла и мешала не только мне, но и Роме. Тем более тогда, когда у него на носу важная тренировка.

— Точно? — он обеспокоенно заглядывает мне в лицо.

Я знаю, что на нем красные флаги. Подсказки: мои горящие щеки, пылающие как два факела. И Рома тоже их знает, именно поэтому я хочу сменить его фокус, когда начинаю вертеть головой по сторонам, разглядывая холл в клубных

красно-белых тонах.

— Куда теперь? — спрашиваю я.

У меня получается отвести от себя внимание. Глаза Ромы задерживаются на внушительной вывеске в центре — «Академия Сокол» и загораются неподдельным огнем восторга.

Мы, как вышедшие из леса, пялимся на залитое ярким освещением пространство, множество небольших магазинчиков и сервисных центров. Но больше всего привлекают внимание красно-белые оттенки, которыми пропитано буквально всё в этом холле. Стены, форма снующих в разных направлениях мальчишек, экраны больших телевизоров, на которых транслируются тренировки. От понимания, что здесь начинали свой профессиональный хоккейный путь чемпионы, в груди накатами разливается приятная взволнованность.

У Ромы от восторга открыт рот, и я тоже забываюсь. От панической атаки осталось лишь легкое покалывание в икроножных мышцах, но я настолько впечатлена, что через минуту не чувствую и этого, когда на стойке ресепшна узнаем, что тренер Литвинов Андрей Викторович сейчас на «Финской» ледовой площадке. Она здесь, на первом этаже, и мы с Ромкой торопимся туда, чтобы оповестить о своем прибытии.

Тяну на себя тяжелую железную дверь с крошечным окошком, и как только мы с братом оказываемся за ней, на нас обрушивается шквал децибелов.

Крик стоит такой, что его силой меня придавливает. Мне кажется, будто я слышу, как трещит лед и звенят лезвия коньков у ребят, которые кучкой столпились у источника этого шума — мужчины, орущего на них во всё горло.

Кроме него и мальчишек в хоккейной форме на площадке никого нет, и мы с братом, переглянувшись, понимаем, что этот человек и есть Литвинов Андрей Викторович.

По испуганно-удивленному выражению лица брата я понимаю — он в ужасе. Я, что скрывать, тоже, ведь тренер юношеской команды выглядит так, словно готов запихнуть клюшки каждому из присутствующих в глотки.

Я успеваю вклинить свое «здравствуйте» в секундную паузу, которую Литвинов делает, чтобы набрать в легкие новую порцию звенящего от его крика воздуха. Мой голос эхом разносится по площадке и обращает на себя внимание мальчишек и тренера. Он направляет на меня взбешенный взгляд словно дуло пистолета.

— Здравствуйте. Мы от Павла Александровича Фоменко. На пробную тренировку, — частю я.

Пару секунд Литвинов сканирует нас с Ромой совершенно непроницаемым взглядом.

Ему на вид под пятьдесят. А может, и больше, просто его рост и крепкое, спортивное телосложение сбивают с толку. Он на коньках, в джинсах, толстовке, поверх которой наброшена наглухо застегнутая дутая плотная жилетка.

— Переодевайся и на лед, — грубо чеканит он, глядя на

Рому, а потом теряет к нам интерес, которым и до этого не мог похвастаться.

Мы покидаем площадку так быстро, словно бежим от смерча.

Выдыхаем, оказавшись на безопасном расстоянии от «Финской» арены.

— Окей, просто давай представим, что сегодня он встал не с той ноги, и у него дерьмовое настроение, — говорю я брату прежде, чем он откроет рот и попросится «на ручки».

Рома в ответ фыркает, дав понять, что не верит в эту чушь.

— Я боюсь, — признается он, когда пересекаем холл первого этажа в сторону мужских раздевалок.

— Для этого ты слишком крут, — пытаюсь приободрить брата, хотя полностью разделяю его состояние. Я тоже чувствую себя так, будто побывала на военном полигоне.

Очевидно, что этот Литвинов — тиран. Он и близко не стоит рядом с добродушным Санычем.

— Мне кажется, от страха я завалю тренировку, и меня не возьмут, — Ромка бегает глазами по пространству холла. После знакомства с потенциальным тренером характерные красно-белые цвета вмиг потеряли краски и волшебство, больше не вызывая у брата былого восторга.

— Эй, не пессимизди. Ты не можешь завалить тренировку. Бесплатный хавчик, клубные экипировка и инвентарь должны отлично мотивировать, — стараюсь разрядить обстановку, но плечи брата сильнее напрягаются.

— Ладно, давай не будем делать преждевременных выводов, — прошу я. — Ром, подожди, — дергаю его за локоть, заставляя сбавить шаг и посмотреть на меня. Поймав его прямой взгляд, говорю убедительно: — ты просто попробуешь. Попытаешься. На тебя никто не давит. Просто будь самим собой и покажи, что умеешь.

Рома опускает глаза. Дышит часто, взволнованно, но кивает, одарив меня скупой улыбкой.

— Вот так! Иди! — Провожу по его волосам ладонью, которую, дернув головой, брат смахивает с ворчанием. — И выше нос!

— У меня насморк, — острит он.

Я смотрю ему вслед, пока он плетется к двери раздевалки, таща за собой спортивный баул.

У Ромы даже паспорта еще нет, зато требований у меня к нему как ко взрослому. Никакого снисхождения. Но иногда бывают моменты, как сейчас, когда я думаю, что тем самым отнимаю у него те крупицы детства, которые еще теплятся под гнетом окружающих обстоятельств, и мне до воя в груди становится грустно.

Глава 3.

Я торчу под дверью раздевалки и пытаюсь вспомнить, когда в последний раз брат переодевался в форму так долго. Кажется, ему тогда было шесть.

Нетерпеливое желание заглянуть внутрь и убедиться, что от страха Рома не унес ноги через окно, пресекается резко распахнутой дверью.

Полностью экипированный он смотрит на меня через решетку шлема, и в его взгляде сомнение. Беспомощная безусловная тревога. Такая, как бывает у детей.

Мой брат считает себя независимым и взрослым, и большую часть времени он ведет себя как самонадеянный ворчливый паршивец, но сейчас я вижу в нем мальчугана с шапкой густых волос, рожком мороженого в руке и самолетом из пенопласта в другой.

Мое сердце сжимается, но я не собираюсь потакать эмоциям. Проще простого сейчас отправить Рому переодеваться, вернуться в команду Саныча и быть в ней лучшим. Остаться в своей зоне комфорта. И это тоже неплохо. Но абсолютно несмело.

Я слегка приподнимаю голову, чтобы заглянуть брату в глаза, ведь на коньках и в шлеме он на полголовы выше меня.

— А как же твое «не сомневайтесь, Павел Александрович»? — передразниваю Рому, цитируя его самоуверенное

заявление. — Всё? Сдулся? Стоило увидеть, что тренер может не только в рот заглядывать, но и по голове настучать? Спасовал перед… — я обрываю на полуслове свою мотивационную речь, потому что Рома, очевидно, потерял к ней интерес. Вскинув лицо, он смотрит мне за плечо.

Я хмурюсь. И настороженно оборачиваюсь. Носом практически утыкаюсь в мужскую грудь. Она настолько близко, что я ловлю запах карамельной «ириски». Поднимаю глаза и встречаюсь с серебристой крошкой смешинок в серой радужке слегка прищуренных глаз. Глаза, которые сегодня я уже видела, когда придурок, чуть не сбивший меня на парковке, смотрел из окна своего черного выпендрёжного «танка».

— Это было впечатляюще, — комментирует он мой спич, да с такой насмешкой в тоне, будто я заявила, что научилась предсказывать погоду по молочным зубам.

Я отступаю от наглеца на несколько приличных шагов.

Гнев, который удалось стабилизировать, вспыхивает с новой силой, ведь к нему присовокупляется возмущение бесцеремонным вторжением в наш с Ромой разговор.

— А разве кто-то спрашивал твое мнение? — морщусь я.

Парень улыбается, глядя на меня.

Мой взгляд быстро касается его губ. Слишком выразительных для такого придурка. Особенно пухлая нижняя.

Справа на щеке у него родинка. Линия носа кривая, словно когда-то была кем-то сломана. Жаль, что не помогло, ведь

этот парень так и продолжает совать свой любопытный нос не в свое дело.

Его темные, густые, слегка кучерявые волосы, разделенные беспорядочным пробором, закрывают лоб и брови.

Он выше меня на голову, и у него широкие плечи, спрятанные под спортивной черной курткой, из-под воротника которой торчит капюшон толстовки.

— Нет, — беспечно пожимает плечом он, — но обычно за моим мнением становятся в очередь.

Боже мой, вот это самооценка!

— Ну надо же! — наигранно восхищенно качаю головой я. — И куда же вставать? — заглядываю ему за спину.

Он шире растягивает губы в улыбке, и в моменте меня тоже тянет улыбнуться, когда кучерявый брюнет оборачивается, делая вид, словно ищет конец той самой очереди и не находит — такая она большая.

Я закатываю глаза и теряю бдительность, чем незнакомец, не растерявшись, в ту же секунду пользуется.

— У тебя пробная тренировка у Литвинова? — он обращается к Роме, который, бросив на меня настороженный взгляд, молча ему кивает. — Слушай, он нормальный мужик, хоть и может показаться слетевшим с катушек. Резкий, грубый, но справедливый. Ну ты и сам скоро это поймешь, — уверенно сообщает брюнет, пока я с возмущением пялюсь на его подбородок. Точнее на его скульптурно выразительную резкую линию. — Мой тебе совет: старайся меньше следить

за шайбой. Литвинов будет наблюдать, как ты контролируешь открытые зоны и оцениваешь игровую ситуацию. Это его основной критерий отбора. Не смотри на шайбу. «Чувствуй» её.

Без понятия, понял ли Рома хоть что-то из того, что сказал кучерявый, но, насупившись, брат в очередной раз сдержанно кивает.

— Давай, чемпион, удачи, — незнакомец хлопает его плечу, а потом вытягивает кулак.

Рома косится на меня, потом — на вытянутый кулак, в который все же врезается своим в перчатке.

— Спасибо, — бормочет он.

Предатель.

Скрещиваю руки на груди.

— И сколько мы должны тебе за советы? — не без сарказма хмыкаю я.

Брюнет лениво поворачивает ко мне голову. На его губах резвится улыбка, бесящая меня как заусенец на большом пальце.

— Мои советы бесценны, — парирует он. — Сочтемся, — в течение секунды смотрит мне в глаза, и эта секунда такая длинная, словно время решило сделать паузу и отдохнуть. Я вопросительно приподнимаю бровь, взвешивая это «сочтемся», но ответа не следует — незнакомец переводит внимание на Рому: — когда попадешь в команду.

Он не говорит — «если». Он заявляет «когда», и такая

уверенность выбивает из меня усмешку. Этот парень настолько самонадеян, что умиляет.

— Пошли, — говорю брату, схватив того за локоть и испытывая огромное желание поскорее избавиться от любителя раздавать непрошенные советы.

Ромка в очередной раз его благодарит и, подстроившись под мой шаг, вперевалку шагает рядом.

— Кто он? Хоккеист? — чуть склонив голову, интересуется он.

— Ты его видел?! — фыркаю я. — Конечно, нет. Обычный выпендрежник-балабол.

Рома усмехается и, кажется, он забыл про свои сомнения и страхи, но когда мы оказываемся у двери, ведущей на «Финскую» площадку, снова мрачнеет.

— Все будет хорошо, — заверяю его.

— Ага.

— Обниматься будем?

— Отстань! — морщится он и решительно толкает дверь.

Мысленно желаю ему удачи, чувствуя легкий мандраж.

Снимаю джинсовую куртку. Под ней на мне зеленая плотная водолазка, и вкупе с циркулирующим волнением мне становится жарко.

Я маюсь по холлу первого этажа. Минуты ожидания томительны и кажутся вечностью. Прыгаю взглядом по информационным стендам и фигурам, снующих туда-сюда людей, ловя себя на мысли, что среди них ищу одну конкретную.

Это бесит. Но в качестве оправдания я уверяю себя, что делаю это потому, что не хочу с ним снова встречаться.

Проходит полчаса с тех пор, как появляется Рома. Взбудораженный и взъерошенный, когда снимает шлем. Волосы влажные, щеки красные, огромные глаза искрятся как лезвие конька на льду.

Подбежав к брату, я попадаю в мощное энергетическое поле и чувствую, как меня заражает исходящими от него наэлектризованными частицами.

— Ну что? — мой голос звенит, а сердце взволнованно грохочет.

Рома тяжело дышит, но все же между глубокими вдохами ему удается просипеть:

— Всё.

— Что — всё? — настораживаюсь я.

— Бесплатный хавчик. Экипировка. Сборы, — устало, но счастливо улыбается он.

Я секунду перевариваю этот порядок слов, а когда выкупаю, пихаю брата в плечо.

— Ну ты и засранец! — театрально ворчу я. — Иди сюда, мой «сокол», — тяну его за форменный свитер и, наплевав на ударивший в нос запах пота, бросаюсь Ромке на шею.

Глава 4.

— Для седьмого столика, — Арсений, наш бармен, выставляет передо мной на столешницу три разноцветных коктейля.

— Спасибо, — улыбаюсь ему и хватаю один из подносов, горкой сложенных на краю стойки.

Машинально оборачиваюсь, когда за спиной слышу взрыв смеха.

Там отдыхает компания из трех девушек и четырех парней, один из которых именинник. Они ведут себя шумно. Не в смысле, что безобразно, а чрезмерно эмоционально, чем привлекают внимание сидящих гостей за соседними столиками и тех, кто зависает у бара.

Бар «Все свои», в котором я подрабатываю официанткой с тех пор, как мне исполнилось восемнадцать, — идеальное место, где все быстро становятся своими, особенно после пары выпитых фирменных дистиллятов и авторских вермутов нашего непревзойденного Арса.

«Все свои» — мегапопулярное заведение в столице, любимое место встреч столичной молодёжи и одна из самых узнаваемых локаций в публикациях блоггеров. Всё потому, что здание бара — бывшая котельная. Здесь каждый уголок — фотозона. Лофтовая небрежность стен, изумрудная подсвечивающаяся барная стойка, винтажная богемная лестни-

ца, убегающая в недосягаемую высоту потолка, с которого свисают лампы в точности как летающие свечи Хогвартса. Ежедневно уже с пяти вечера здесь не найдешь свободного столика.

Чуть меньше года назад устроиться сюда мне помогла моя подруга Арина. Она рекомендовала меня руководству как ответственного человека, потому что знает с детства. Ари старше меня на год и работает в «Своих» уже несколько лет. Это ее первая и пока единственная работа, ведь в отличие от меня она учится.

Качая головой в такт «Shut up and dance with me»,[2] расставляю на подносе напитки. Игорь, парень за диджейским пультом, делает действительно крутые аранжировки популярным мелодиям 90-х и начала 2000-х, и я игнорирую саднящее чувство под ребрами, не позволяя ему утопить меня в очередном приступе сомнения в том, что уйти в академ — правильное решение.

— Лиз? — слышу голос Арсения.

Я поднимаю к нему глаза и успеваю заметить какое-то странное выражение его лица, прежде чем он будто бы нерешительно продолжает:

— Я тут подумал… — мнется он, — не хочешь…

— Черепаха без панциря — голая или бездомная? — на барную стойку грудью падает Арина и перебивает Арсения.

Недовольно вздохнув, он хмурится и отвечает слегка раз-

[2] Fun Guns «Shut up and dance with me»

драженно:

— Голая.

Я подтягиваю к себе поднос.

— А я думаю, бездомная, — предполагаю я.

— Твое, — Арсений пододвигает к Арине деревянную подставку с шотами.

— Мерси, — благодарно улыбается она. — Кстати, а у черепах есть половая принадлежность? — тут же рождается новый вопрос, после которого Ари устало утыкается локтем о стойку и подпирает щеку ладонью, состроив страдальческую гримасу. — Господи, это сведет меня с ума! — сокрушается она сама над собой.

Мы с Арсением переглядываемся.

Арина — ходячий генератор самых сумасбродных идей, мастер риторических и забавных вопросов, а также организации всего, что можно организовать. Без шуток, Арина уникальна. И грустно, что свой талант она вынужденно разменивает на подносы, бегая между столами. Как и многие девочки, работающие здесь, включая меня.

На моей подруге сегодня надеты прямые джинсы, в которые заправлена объемная белая однотонная футболка. В «Своих» нет обязательной формы, кроме фартука бордового цвета. Весь обслуживающий персонал одевается во что пожелает с учетом удобства и соблюдая два основных правила: никакой вульгарщины и никаких распущенных, болтающихся волос. Свои я собрала в высокий аккуратный хвост. А

свою худобу спрятала под широкие джинсы и клетчатую рубашку, рукава которой подвернула до локтя, а края завязала на животе тугим узлом. В отличие от круглощекой и миловидной Арины я «острая»: линии моего лицо, плечи, комплекция…

Вздохнув, подруга забирает заказ и исчезает так же незаметно, как появилась.

Прежде чем последовать за ней, я вспоминаю про Арсения с его загадочным выражением лица, но он занят, принимая заказ у мужчины, и я решаю его не отвлекать.

Подхватив поднос, уношусь к седьмому столику.

Спустя пятнадцать минут оглашенного курсирования по залу мне удается найти свободную минутку, которую я использую, чтобы написать брату.

Кто-нибудь, позовите Лизу: Как дела? Дома все спокойно?

Прочитано.

Бро: Да

Кто-нибудь, позовите Лизу: Поел?

Бро: Да

Я закатываю глаза.

Переписка с подростком-зумером — сплошные энергосберегающие односложные ответы.

Кто-нибудь, позовите Лизу: Чем занимаешься?

Бро: Ничем

Следом от него прилетают подряд три сообщения:

Бро: Слушай

такой вопрос

можно ругать человека за то, чего он не делал?

Я несколько раз вожу глазами по экрану, выискивая в вопросе подвох. А он есть, зная брата. Уверена, каким бы ни был мой ответ, он в любом случае будет выгодным и удобным для Ромы.

Кто-нибудь, позовите Лизу: в чем подвох?

Даю руку на отсечение — брат закатил глаза.

Бро: Просто ответь

Ты бы стала ругать за то, чего человек не делал?

Тяну с ответом.

Вот же хитрец.

Ладно.

Кто-нибудь, позовите Лизу: нууууу… в таком случае нет

Бро: Короче я не сделал уроки)))

Я успеваю гневно выдохнуть, прежде чем в меня врезается поток воздуха оттого, как резко Арина тормозит рядом со мной.

— Скучаешь? — интересуется она.

Отрываю взгляд от экрана телефона и перевожу его на подругу. Светлая прядь волос выбилась из пучка и упала ей на лицо.

— Не очень, — отвечаю с подозрением, пихая телефон в задний карман джинсов.

Плечи Ари устало падают.

— Помоги мне со вторым столиком? К ним еще двое при-

шли, — подруга ввинчивает мне в глаза умоляющий взгляд. Свой я устремляю ей за плечо, в сторону той шумной компании. Она действительно стала больше. Два рослых парня возвышаются над столом, поочередно здороваясь и пожимая руки приятелям, и среди этих двоих я запросто узнаю мужской профиль, который увидеть здесь я ни при каких обстоятельствах не ожидала.

Серьезно?

Третья встреча за сегодняшний день… Это такая злая шутка?

Какого черта он здесь делает?

Давлю в себе внутренний страдальческий стон. Ну неет… Нет, черт возьми!

— Вон тот брюнет мой. Займешься блондином? — воодушевленно произносит Арина.

Смотрю на нее.

— Какой брюнет? — переспрашиваю, надеясь, что им не окажется любитель раздавать непрошенные советы.

Подруга стреляет глазами в сторону компании.

— Вон тот… куртку сейчас снимает, — мечтательно закусывает нижнюю губу Ари.

Моя надежда осыпается как старая штукатурка. Арина пялится на того типа, который сегодня чуть не сбил меня на парковке и подслушал наш с братом разговор. Он легким движением отправляет куртку на спинку дивана и остается в серых потертых джинсах и черном лонгсливе, подчеркиваю-

щим рельефную верхнюю часть его спортивного тела. Подходит к имениннику, хлопает того по плечу и что-то говорит, отчего сидящие за столом синхронно смеются.

Морщусь, а потом возвращаю взгляд подруге. Она выглядит так, будто ей в глаза насыпали звезды.

Взаимовыручка — обычная практика в «Своих». И с учетом того, что Ари скорее всего в курсе, что обслуживаемые мной столики пока во мне не нуждаются, мое предложение, которое я собираюсь озвучить, будет выглядит по-свински.

— Извини, Арин, может, тебе поможет Злата? — я вытягиваю шею и начинаю рыскать глазами по залу в поисках девушки. Нахожу ее лавирующей между столами с холмом грязной посуды на подносе и выражением лица, будто она ищет того, кому бы этот холм бросить на голову.

В баре полный солд-аут, и найти сейчас свободные руки все равно что пытаться искать мелочевку в дырявом кармане куртки.

— У нее своих столов выше крыши, — комментирует Ари, прослеживая за перемещением Златы. — Почему ты не можешь помочь? — обращается ко мне.

Сузив глаза, она прожигает меня подозрительными взглядом.

Поджимаю губы. Мне дико-дико перед ней стыдно, но нежелание контактировать с тем типом — сильнее.

— Там один парень… — прикидываю в уме, как точнее пояснить свою позицию, — короче, я не хочу, чтобы он ви-

дел меня здесь.

И не потому, что мне зазорно предстать перед ним в образе официантки, просто я не хочу, чтобы он вообще что-либо про меня знал.

— Это какой? — вглядываясь в парней, Арина выглядит заинтересованной. — Кто-то из прибывших? Блондинчик? — предполагает она, кивнув на светловолосого. Тот двигается по дивану, освобождая место для кучерявого придурка.

Фыркаю. Тоже мне, персона.

Он улыбается и что-то отвечает парню, сидящему напротив него.

Практически смоляные волосы сейчас аккуратно уложены, открывая лоб, но закрывая кончики ушей, затылок и шею сзади мелкими завитками.

Теперь он смеется. Сгребает рукава лонгслива до локтей.

— Да не-ет, другой, — признаюсь я. — Тот, который тебе понравился. Брюнет.

— Серьезно? — Ари впивается в меня удивленным взглядом.

— Сегодня он чуть не сбил меня на парковке у Спорткомплекса и даже не извинился, а потом мы с ним… ну… повздорили, — перечисляю я, замечая, как меркнет свет на миловидном лице подруги.

Маловероятно, что эта реакция связана с тем, что понравившийся ей парень не оказался героем. Она расстроилась из-за меня. Арина единственная в «Своих», кто знает, какая

трагедия для моей семьи стоит за словом «сбил».

— Вот же козел, — морщится она. — Ты как? — с чувством вглядывается мне в лицо.

— Отделалась легким испугом, — успокаиваю подругу, преуменьшив степень панической атаки, которая накрыла меня на парковке.

— И почему, если парень симпатичный, то он обязательно мудак?

— Это закон баланса.

— Печаль, — вздыхает Арина. — Хочешь, плюну ему в заказ?

Упомянутый экземпляр вытягивает шею, словно высматривает кого-то, и я прячусь за Арину, хотя угол, который облюбовала, практически не просматриваем из основного зала.

— Спасибо за заботу.

Мы обе прыскаем от смеха и понимаем, что это всего лишь дурацкая шутка, ставшая среди официантов мемом. Никто из нас подобным не занимается.

Арина уносится на кухню, и хоть у нее и нет ко мне претензий, однако я чувствую угрызение совести, а еще злость на кучерявого, ведь именно из-за него я не могу помочь подруге.

В своем укрытии я наблюдаю за столиком, от которого исходит ударная волна от очередного взрыва смеха, и причина тому — кучерявый брюнет.

Хмыкнув, возвращаюсь в чат с братом. Пишу ему строгое

сообщение и наказываю сделать уроки. В конце обещаю, что приду и проверю, что вряд ли. Я приползу, если повезет, не раньше четырех ночи, и всё, на что буду способна, — рухнуть лицом в подушку.

Мимо снова проносится Арина с подносом, которой перевешивает ее и клонит вперед, потому что забит тарелками с закусками.

Моя совесть клюет меня в макушку.

Ари быстро расставляет блюда перед гостями, выпрямляется и, вытащив из фартука телефон, отдает все свое внимание кучерявому. Он даже не смотрит на нее, когда делает заказ!

Точно козел.

Одновременно с тем его приятели начинают поочередно выкрикивать свои заказы, перебивая друг друга и путая Ари. Она мечется от одного лица к другому. Суетливо кивает каждому, стуча пальцами по экрану. Сдувает светлую прядь с лица.

Когда моя совесть вскрывает мне черепную коробку, я не выдерживаю.

Торопливо пробегаюсь по своим столам, собираю грязные салфетки, убеждаюсь, что пока никому не нужна, и, поправив фартук, устремляюсь к шумной компании.

Я не рассчитываю на то, что любитель раздавать непрошенные советы меня не узнает. Он узнает. Но я запихиваю куда подальше свои личные принципы, которые только мои

проблемы, потому что не хочу быть для Ари ужасной подругой.

Мои крылья носа и щеки печет. Явное доказательство тому, что мантра, с которой я решительно приближаюсь к столику, начала сбоить еще на подходе к нему, а сейчас, когда я останавливаюсь рядом с недавно прибывшим парнем, к пылающему лицу добавляется учащённое сердцебиение.

— Добрый вечер. Готовы сделать заказ? — произношу с такой громкостью, что не заглушаю общий шум над столом, а привлекаю внимание двух парней. Они вскидывают головы и смотрят на меня.

— Острые вяленые джерки — это что? — спрашивает один из них, тыча пальцем на наименование блюда в меню.

— Это вяленые кусочки цыпленка, — отвечаю, заставляя себя смотреть исключительно в глаза парню с коротким ежиком светлых волос, и игнорирую даже Ари, потому что она стоит рядом с тем, с кем я не хочу пересекаться взглядами.

— Какого цыпленка? — интересуется короткостриженый.

— Выращенного на элитных кормах, — сообщаю терпеливо.

Два года в сфере обслуживания не прошли даром. Уж кто-кто, а я умею держать непрошибаемое лицо.

Я слышу, как кто-то усмехается за столом, но не перерываю зрительного контакта с любознательным «коротким ежиком», который не унимается:

— Долго его растили?

Я бесшумно выдыхаю одновременно с тем, как парень, сидящий от короткостриженого справа, взрывается:

— Да ты задолбал! Бери уже этого цыпленка и дай возможность сделать заказ другим! — пихает локтем в плечо приятеля, после чего обращается ко мне: — Извини его, он тревожник.

Я сдерживаю порыв рассмеяться.

— Пошел ты! — посмеивается короткостриженый. — Я же должен иметь представление о том, за что собираюсь заплатить.

— Могу уточнить у администрации, — не без иронии предлагаю я.

— Не надо. Я буду тартар из говяжьей вырезки, — в итоге произносит «короткий ежик».

Мысленно откусываю ему голову, внешне — я безмятежна как пустой холодильник, но на очередную чью-то усмешку в этот раз машинально реагирую, повернув голову влево. Это становится для меня полнейшим фаталити, ведь я задеваю взглядом сощуренные серые глаза, наблюдающие за мной.

Кучерявый брюнет с интересом на меня смотрит, слегка подняв лицо, и в притупленном внутреннем освещении его черты кажутся резкими, с прямыми острыми линиями, но порезаться о них не дает мягкая улыбка, приподнимающая уголки его полных губ.

Он расслабленно восседает на диване, закинув одну руку на спинку, а в ладони второй покручивает телефон. Если он

и был удивлен увидеть меня здесь, то это уже прошло, ведь сейчас на его лице только мазки любопытства.

Я быстро отворачиваюсь, чтобы пресечь возможность определить, что изображено на моем лице.

Мой взбесившийся пульс приносит дискомфорт в груди слева и в горле.

На автомате вбиваю в приложение два заказа.

Пока я жду, когда короткостриженый и его приятель определяться с напитками, чувствую себя микроскопической в чужой раскрытой ладони и готовлюсь к тому, что вот-вот ее сомкнут, ведь мне кажется, что брюнет не упустит возможность что-нибудь ляпнуть в мой адрес.

На удивление, этого не происходит ни когда я заканчиваю принимать заказ, ни перед моим уходом.

Мы с Ари одновременно отходим от стола. Молча и не глядя друг на друга удаляемся на безопасное расстояние и только потом, кажется, обе выдыхаем.

Подруга поворачивает ко мне голову и вопросительно выгибает брови.

— Не смогла видеть, как они рвут тебя на части, — озвучиваю ответ вслух.

— Спасибо! — благодарно улыбается Ари. — Все же нормально? — имеет в виду кучерявого, сумевшего удержать язык за зубами.

— Вроде, — я пожимаю плечом.

У бара мы расходимся. Я сворачиваю в небольшой ко-

ридор, ведущий на кухню. Оставляю грязную посуду, ворую дольку огурца из овощной нарезки и получаю шутливый втык от повара.

Вылетаю из кухни, сунув в рот огуречный кружок. Успеваю пережевать его и сглотнуть до того, как он смог бы встать у меня поперёк горла, ведь на противоположной стене, привалившись к ней плечом, стоит кучерявый.

Глава 5.

Я на секунду прикрываю глаза. В эту реакцию я вкладываю и удивление видеть его здесь, и раздражение… оттого, что вижу его здесь.

— Тебе платят, чтобы меня пугать? — на выдохе произношу я.

Парень на целую голову выше меня, и мне приходится поднять подбородок, чтобы заглянуть в его глубоко посаженные, сощуренные глаза. В полумраке коридора они кажутся антрацитовыми.

— Я тебя испугал? — он отталкивается плечом от стены и приваливается к ней спиной. Сунув правую ладонь в карман джинсов, цепко смотрит мне в лицо.

— Второй раз за сегодня, — сообщаю я, и это заявление отражается на лице брюнета так, словно я попросила его найти в уме квадратный корень из четырехзначного числа.

Он задумывается. Сводит брови.

— Серьезно? Ты уже и не помнишь, как на парковке чуть не наехал на меня? Между прочим, я испугалась. — Претензия в моих словах голая и неприкрытая, но в это обнажение я не вкладываю какие-то определенные требования вроде ожидания от него извинений или прилюдного признания вины. Я просто возмущена.

— Я извиняюсь, — легко слетает с его губ.

А теперь удивлена.

— Но предлагаю разобраться, — продолжает он невозмутимо. Слегка подается верхней частью корпуса вперед, и в узком маленьком пространстве коридора этого становится достаточно, чтобы среди разносортных запахов, вылетающих из кухни, почувствовать запах мужского то ли шампуня, то ли лосьона после бритья. — Во-первых, я ехал с разрешающей скоростью. Во-вторых, ты сама выскочила на проезжую часть, остановилась посередине и уткнулась в телефон, вынудив меня применить экстренное торможение, — перечисляет он, пока мои глаза увеличиваются в размерах. — Так что… — пожимает плечом, — чисто технически у меня фора.

Я открываю и закрываю рот. Это прозвучало так возмутительно и вместе с тем обстоятельно, что прямо слету и не нахожусь с ответом.

Кучерявый самодовольно ухмыляется. Полагаю, мою заминку он расценивает так, будто произнесенная им чушь открыла мне глаза и заставила посмотреть на ситуацию под другим углом, хотя, стоит признать, доля правды в ней есть — я в самом деле остановилась на проезде, чтобы отправить Арине сообщение.

— Если я молчу, это не означает, что мне нечего сказать. Просто у меня нет ни времени, ни желания с тобой спорить, — упрямо складываю на груди руки.

Брюнет понимающе улыбается.

— Не убедительно, но сойдет, — он проводит по мне сверхбыструю вертикальную линию. От носов моих поношенных, но мега удобных «конверсов» до кончиков ушей, из-за которых я все детство комплексовала. Они мне казались торчащими, и я постоянно прятала их под распущенными волосами.

Это перестало иметь значение два года назад, но я бы многое отдала, чтобы моей самой большой проблемой так и остались слегка торчащие уши. А сейчас, когда брюнет задерживает на них взгляд, я внезапно испытываю желание прикрыть их волосами.

Господи, какая чушь! Плевать, что он подумает.

— Значит, ты здесь работаешь? Ли-за, — не стирая своей ленивой ухмылки и опустив глаза, спрашивает брюнет.

На моем фартуке прикреплен бейдж с именем. Мои щеки вспыхивают, будто их несколько раз ущипнули. Теперь он знает, где я работаю и мое имя.

В горле становится сухо.

— Подрабатываю, — хрипловато отзываюсь я.

Я не стесняюсь того, что официантка, но предпочитаю называть свой труд подработкой. Вынужденным явлением, ведь всем известно, что нет ничего более постоянного, чем что-то временное. Это амбиции. Принцип. Такой вот высокомерный, но не дающий опустить руки и смириться с тем, что моя мечта так и останется мечтой.

— А ты что здесь делаешь? — следом пуляю вопрос.

Парень удивлённо приподнимает брови. Они темные, как и его волосы, которые в этом слабоосвещенном коридоре кажутся иссиня-черными.

— Отдыхаю с друзьями, это же очевидно, — он одаривает меня насмешливым взглядом.

Разумеется, очевидно, я что, похожа на дуру?

— Я имею в виду, что ты делаешь в служебном коридоре. Здесь нельзя находиться посторонним, — я стараюсь звучать строго, но, судя по ленивой расслабленности в позе и на лице брюнета, на мою строгость плевать он хотел с высокой колокольни.

— Жду тебя, — он пожимает плечом и даже не подозревает, что к моим щекам вдруг хлынула горячая кровь. Я смущена: и этим ответом, который отчего-то кажется мне личным и очень интимным, и взглядом, которым брюнет скользит по моему лицу. Этот взгляд… Он слабо напоминает мужской интерес, скорее он любопытный, будто на голове у меня неожиданно отрасли рога, однако сковавшее смятение сжимает мой голос, делая его тихим и слабым, когда спрашиваю:

— Зачем?

Сердце делает кувырок.

— Хотел узнать, как прошла тренировка у Литвинова.

Я ни на что не рассчитывала. Конечно же, нет.

— Успешно, — сообщаю я. — Брата взяли в команду.

— Я не сомневался, — улыбается он. Меняет положение, успевая ослепить меня блеском цепочки, выглядывающей из

горловины лонгслива, и теперь опирается левым плечом о стену. — Всё сработало, да?

— Сработало что? — уточняю я.

— Мои советы.

Серьезно, я слышу интонацию самодовольства в его словах.

Мои глаза расширяются. Я делаю шаг вперед и с особой тщательностью всматриваюсь в ухмыляющееся лицо, чтобы его запомнить, ведь я никогда не видела настолько самоуверенных наглецов.

— Немыслимо! — поражаюсь я. — Тебе корона не давит? Это больно, наверное…

— Что поделать, таково мое бремя, — отвечает с весельем.

Я на мгновение теряюсь. Не знаю, то ли рассмеяться, то ли зааплодировать, то ли послать куда подальше. В итоге решаю узнать, где граница его километровой самоуверенности:

— То есть, ты даже не рассматриваешь тот вариант, где моего брата взяли в команду благодаря его способностям и старанию?

По пути домой Рома рассказал, что в конце тренировки Литвинов похвалил его за умение «чувствовать шайбу», и не будь этот кучерявый хвастун таким зарвавшимся придурком, от меня бы ни убыло его поблагодарить. Но не тогда, когда от его гигантской наглости у меня задница подгорает.

— Ну почему же, я не исключаю такой вариант, — спо-

койно отзывается он, чуть наклонив голову, — но согласись, с моими советами у твоего брата шансов было больше.

Я поджимаю губы и делаю круг глазами по его лицу.

— Поразительно! — качнув головой, восхищаюсь такой обаятельной наглостью. — И что же ты хочешь в качестве благодарности за твои непрошенные бесценные советы? Может, фейерверк в твою честь?

Вскинув руку, кучерявый проводит ладонью сзади по шее и широко улыбается.

Его улыбка делает черты лица мягче. Плавнее. Интересно, он знает об этом?

Разумеется знает, как и то, что производит этой улыбкой лживое положительное впечатление. Он далеко не милый! Но я улыбаюсь в ответ, потому что уже просто не могу не улыбаться.

В коридоре возникает Злата — взмыленная и с набитым доверху грязной посудой подносом.

Мой собеседник выпрямляется и практически вжимается в стену, чтобы пропустить девушку, а я спохватываюсь и останавливаю ее.

— Давай помогу, — снимаю с подноса несколько штук верхних тарелок, спасая те от падения.

Мы обе скрываемся за дверьми кухни, а когда я выхожу в коридор, брюнета там уже нет.

В течение следующего часа я веду борьбу сама с собой. Заставляю себя не реагировать на шум и смех за вторым сто-

ликом, и не коситься в ту сторону. Я занимаюсь обслуживанием своих столов, но то и дело мои глаза самовольно скашиваются к конкретному человеку, которому до меня нет дела. Кажется, как и до своих приятелей, потому что со скучающим видом он пялиться в телефон, изредка поддерживая общее веселье ленивой ухмылкой.

Он уходит спустя час. Не притронувшись к заказу. И он единственный из компании, кто не сделал ни глотка алкоголя. Такое впечатление, будто он забежал сюда из-под палки, хотя этот парень, очевидно, не из тех, кого можно заставить что-либо сделать. Скорее это мероприятие было единственным в развлекательном меню его дня, и оно быстро наскучило.

Это прекрасно.

Замечательно.

Просто чудесно.

Ведь ни его внимание, ни его личность меня не интересуют. А таких «небожителей», как он, не интересуют такие, как я.

Оставшуюся часть смены я дорабатываю на автомате, а освобождаюсь в два часа ночи.

Приведя зал в относительный порядок, нашей небольшой компанией высыпаем на свежий осенний влажный воздух.

По пятницам и субботам бар работает до последнего гостя, но сегодня нам повезло — и к часу рассосались все. В том числе и та шумная компания, сделавшая нашей смене

неплохую выручку. Средний чек в «Своих» рассчитан как раз на таких платёжеспособных клиентов, как тот именник и все его приятели, включая кучерявого. Таких, как они, сразу видно. От них я предпочитаю держаться подальше.

С этой мыслью я забираюсь вслед за Ари на заднее сиденье в машине Арсения. Нам с ним по пути, и после каждый смены он подбрасывает нас до дома.

Глава 6.

Лиза

Спустя три дня

— Если родители не могут подать документы лично, это можете сделать вы при наличии нотариально заверенной доверенности, — сдержанно произносит женщина. Она смотрит на меня с той самой терпеливой полуулыбкой, с какой взрослые смотрят на детей, которые очень стараются казаться взрослыми.

Она не враг мне. И не принципиальная стерва, которая просто не хочет брать заявление о зачислении брата в Академию и подписывать со мной договор, только потому что я ей не нравлюсь или сегодня она встала не с той ноги. Женщина довольно приятна и действует в рамках закона, но я волком реагирую на нее… на каждого, кто хоть как-то препятствует нам с братом.

Рома сейчас на первой тренировке в составе команды «Сокол», а я должна была сделать его прибывание здесь официальным. Но у меня не принимают документы, которые мы с братом собирали два дня, потому что я — незаконный представитель и имею простое родство, не дающее мне права действовать от имени брата. Кажется, что-то такое сказала эта женщина. Одним словом, оформить Романа в Академию должен отец, а не сестра.

Мне хочется кричать! От отчаяния! Последние годы я была той, которая всё может. А сейчас я абсолютно бессильна. И никакие уговоры, ни милые глазки, заверения и подделывание отцовской подписи мне не помогут. Ни здесь и ни в этот раз.

В школе прокатывает, когда вместо отца я подписываю всевозможные согласия, которые Ромка таскает от учителя. И сегодня я рассчитывала, что пронесет, а в итоге я беспомощно смотрю в глаза женщине и понятия не имею, что дальше делать, ведь на меня никто не оформит эту чертову нотариальную доверенность. И отец сюда не придет…

К горлу подкатывают слезы, выше я их не пускаю. Энергично киваю женщине, изображая полную осведомлённость и понимание, и прежде чем покинуть кабинет, обещаю, что отец на днях придет и подаст документы.

Я прощаюсь и аккуратно закрываюза собой дверь.

Отчаяние трансформируется в глухую злость, пока иду по затопленному светом коридору, стены которого увешаны фотографиями команд «Сокола» в разные годы. Их победы, награждения, снимки со спортивными знаменитостями… От того, что брат может лишиться возможности стать частью этого красно-белого мира, злая обида и чувство вселенской несправедливости сдавливают грудь.

Надеваю наушники, запускаю «Избранное» и набрасываю на голову капюшон. Мне надо подумать.

Мысли гудят в голове как потревоженные пчелы. Их мно-

го, и в каждой маячит безвыходность.

Я поднимаюсь на второй этаж. Здесь кафе, и через панорамные окна открывается вид на «Финскую» ледовую площадку, где сейчас тренируется Рома.

Беру себе стаканчик с капучино. В наушниках звучит «Winona Oak»[3].

Желающих понаблюдать за юными спортсменами немного. Смотровая линия вдоль окон практически свободна, потому что большинство смотрит трансляцию по широкому экрану.

Я встаю у окна. Обнимаю стакан прохладными ладонями.

Осматриваю залитое ярким освещением пространство ледовой арены. В прежнем Спорткомплексе была хорошая хоккейная площадка, здесь же… совсем другой уровень — начиная с освещения и заканчивая разметкой.

Сделав глоток горячего кофе, опускаю взгляд.

На льду сумасшествие. Ощущение, будто по нему рассыпали красно-серое драже, которое скользит по гладкой поверхности с астрономической скоростью. От хоккейных ворот до ворот. Ребята выполняют комплексное упражнение друг за другом на одном коньке и ведя шайбу словно жонглируя ею.

Я нахожу брата за секунду. Это не сложно, ведь он единственный, кто играет в своей экипировке, а не в клубной.

Рома стоит в очереди третьим по счету. Выглядывает из-

[3] Winona Oak «Break my broken heart»

за спины впереди стоящего, стучит клюшкой по льду и постоянно косится на Литвинова. Нервничает. Когда очередь доходит до брата, я задерживаю дыхание. Тоже нервничаю, сжимая стаканчик. Следую за Ромой непрерывным взглядом, пока его крючком не цепляет мужской профиль.

Волна неконтролируемого жара снизу-вверх приливает к лицу.

Облокотившись на бортик, за тренировкой наблюдает тот самый парень — кучерявый брюнет. Сегодня он в бейсболке. Ее козырек закрывает большую часть лица, а из-под нее у основания шеи в вырезе черной плотной толстовки выглядывают кончики волос.

Парень делает глоток кофе из точно такого же стаканчика с логотипом местной кофейни, как у меня, и поверх него следит за происходящим на льду. Точнее его голова поворачивается вслед за перемещением моего брата. Когда Ромка несется к воротам, а потом обратно от них… Его словно приклеенный к Роману взгляд — сосредоточенный. Мой — не менее внимательный. Я очерчиваю глазами контуры мужского профиля, крупные кисти, выглядывающие из рукавов толстовки, шею…

С шумом выдыхаю.

Он снова делает глоток, и я машинально прикасаюсь губами к своему стаканчику. Тоже делаю глоток.

Я думала о нем. Это происходило само собой и внезапно: между делами, перед сном или пока намазывала маслом ку-

сок хлеба. Я перекатывала в мыслях его голос, жесты, мимику…

Кто он такой?

Я знаю, что в здании Академии занимаются только подростки. Молодежная хоккейная команда тренируется на другой арене, но уже второй раз я вижу его здесь, и ни разу в хоккейной форме.

Он выпрямляется. Поправляет бейсболку так, что теперь я могу видеть его лицо. Оно гладкое, губы после кофе влажные и блестят.

Обернувшись, парень оставляет стаканчик на скамейке.

Широко расставив ноги, складывает на груди руки и в такой позе цепко наблюдает за выполнением Ромой бросков в ворота.

С внутренним негодованием на саму себя я отхожу от окна. Не понимаю, зачем отдаю так много внимания и времени этому парню.

У меня все спланировано. Каждая минута. Любое отклонение от запланированной траектории я воспринимаю так, будто оступаюсь. Запинаюсь о несуществующее препятствие, и это отзывается внутри глухим, неприятным эхом — будто я не просто сбилась с шага, а подвела себя и брата.

До конца тренировки остается десять минут, и я спускаюсь на первый этаж, решив, что дождусь Рому там.

Устраиваюсь у стены напротив входа на площадку. Мысли снова перекатываются одна к другой, пока думаю, как буду

решать проблему с Ромкиным зачислением.

Когда спустя десять минут первые мальчишки, потные и изнеможденные, вразвалку вываливаются в холл, я убираю наушники и снимаю капюшон. Достаю волосы из-под воротника толстовки и разбрасываю по плечам.

Мне удается не таранить взглядом выход с арены только потому, что в центре холла с дразнящим веселым визгом носится чей-то ребенок в одном ботинке. За ним охотится девушка, держа в руке второй, и мне интересно, чем у них дело закончится ровно до того момента, как краем глаза не выхватываю две мужские фигуры, выходящие из дверей. Моего брата и брюнета в бейсболке.

Мое дыхание снова где-то теряется. Взгляд намертво прилипает к картинке, на которой взмыленный и розовощёкий Рома, запрокинув взлохмаченную голову, слушает собеседника так внимательно, будто тот ему диктует цифры от сейфа с деньгами.

— …старайся не просто пихнуть шайбу, а поднять ее под перекладину. Тогда ты закроешь «слепую зону». Игрок с хорошим бэкхендом опасен вдвойне, — доносится до меня окончание их разговора. Брюнет хлопает по плечу моего брата, будто бы на этом ставит точку своим ценным рекомендациям, и пару секунд провожает его спину взглядом, пока Рома следует в раздевалку.

За это время я успеваю отыскать потерянное дыхание. Но снова теряю с ним связь, когда кучерявый сокращает расстo-

яние между нами и останавливается в паре метров от меня.

— Привет. — На его лице знакомая улыбка. Не от уха до уха, а… ироничная.

Кажется, я вижу ее только тогда, когда он разговаривает со мной.

Взгляд из-под козырька бейсболки лениво и вместе с тем оценивающе прокатывается по мне от лица до середины толстовки и обратно.

Вцепившись в лямку рюкзака, отвечаю сдержанно:

— Привет, — я повторяю за ним: глазами веду линию от его гладко выбритого подбородка вниз и позволяю себе вызывающе больше — довожу взгляд до логотипа его фирменных кроссовок, вопиюще кричащих, сколько за них отвалено бабок. — Еще один бесценный совет? — поднимаю глаза к лицу, на котором темно-красные губы разъезжаются в широченную улыбку.

Удивительно, но я уже успела узнать, что ни одна моя ответная колкость, даже самая обидная, не вызывает у этого парня ничего, кроме улыбки. Без понятия, как это работает, но ведь работает!

— Их было три, — сообщает он.

— Не расплачусь.

— Сделаю тебе скидку.

В ответ я выгибаю бровь. У моих мурашек, ползающих по рукам, поднимается температура.

— Как благородно с твоей стороны, — улыбаюсь я, а в

груди щекотно, потому что внутри себя я тихо хохочу.

— К сведению, во мне много чего положительного. Резус-фактор, например, — выдает он и ведет плечом.

Это было так тщеславно и самоутверждающе, как и его надвинутая на лоб бейсболка, показывающая вверх средний палец традиционным правилам этикета.

— Запишу в свой блокнот, — усмехаюсь я.

— Тогда туда же занеси мое имя.

Я снова чувствую запах ириски. Странное, почти марсианское сочетание — крепкая карамель и максимально возможная маскулинность: развитая физика тела, резкие высеченные линии лица и гигантская самоуверенность.

— Зачем мне знать твое имя? — изображаю внешнее безразличие.

— Разве тебе не интересно, как зовут человека, у которого ты в необъятном долгу?

Из меня вырывается изумленно-ироничный смешок.

— Мне достаточно того, что я знаю его в лицо, и это не очень меня радует.

— У-у-у… — сощурив глаза, тянет парень как будто бы разочарованно, но его глаза не перестают «улыбаться», когда ими он делает круг по моему лицу, словно заново составляя портрет. — Хочешь конфетку? — он проворно ныряет в карман толстовки, а потом раскрывает ладонь, на которой лежат три ириски «Золотой ключик». — Угощайся. Сладкое поднимает настроение, а ты все время выглядишь так, будто

планируешь убийство.

Серьезно, в течение пары секунд я в самом деле раздумываю над тем, что лучше — рассмеяться в ответ или придушить этого придурка. Мне не встречался ни один человек, кто бы мог в одинаковой степени настолько бесить и смешить одновременно.

— Это у меня так проявляется аллергия на непомерно раздую самоуверенность, — глядя ему в глаза, я дерзко забираю предложенные ириски, но предупреждаю: — вообще-то я ничего не беру из рук незнакомцев, — зажимаю конфеты в кулаке.

— Ты сама отказалась узнать мое имя.

— Думаешь, если я буду знать твое имя, это сразу сделает нас приятелями?

— Ну… как минимум мы будем знакомы.

Я слегка наклоняю голову и вздергиваю подбородок.

— Хочешь познакомиться? — вылетает изо рта прежде, чем я осознаю, что мое поведение сейчас похоже на флирт. Им даже пахнет!

Черт.

Черт!

Мое сердце совершает скачок. А потом спотыкается, как и дыхание, под блуждающим по моему лицу прищуром серых глаз.

— Хочу, — произносит он слегка хрипловато: — Никита.

Никита.

Я медленно раскатываю это имя на языке. Мусолю в голове. Оно ложится ровно, без суеты. Идеально. Без понятия, как можно было так произнести имя, что меня… меня словно током прошило. Словно он не просто представился, а вручил мне что-то особенно личное.

Мои ладони влажные!

— Эй, дыши! — Никита подаётся корпусом вперед и заглядывает мне в глаза. На его губах хитрая полуулыбка. Он будто видит меня насквозь! Ирония в его тоне действует как будильник и приводит в чувства.

— Что? — мотнув головой, переспрашиваю я.

Он отводит взгляд. Кому-то кивает.

— Извини, мне пора, — сообщает, вернув внимание моим глазам. — До встречи, — подмигивает и обходит меня справа, искупав в потоке карамельного воздуха.

Я оборачиваюсь. Смотрю в спины двум мужчинам, быстро пересекающим холл в сторону выхода. Никита и тренер Литвинов.

Глава 7.

В холле Академии людно и шумно, поэтому, подстроившись под широкий шаг брата, мне удается спросить у него, как прошла первая тренировка, только на улице.

— Нормально, — ожидаемо отвечает Рома, таща за собой спортивный баул на колесах и смотря себе под ноги.

Его плечи чуть приподняты, будто он пытается удержать внутри всё то напряжение, что накипело на льду.

Я видела ту часть тренировки, где у него не всё получалось, поэтому на развернутый ответ не рассчитывала. Он злится и не будет жаловаться. Тем более что жаловаться и негодовать приходится на себя. Рома очень амбициозный. Ненавидит проигрывать и быть вторым. Его максимализм зачастую зашкаливает, но я не уверена, плохо это или хорошо.

— С кем-нибудь познакомился? Как ребята тебя приняли? — забрасываю порцией вопросов и ловлю себя на том, что скачу взглядом по парковке.

Она отлично освещена в окружении позднего вечера. Мысленно даю себе по рукам за то, что среди припаркованных машин ищу черный внедорожник или же его обладателя с копной кучерявых волос, торчащих из-под бейсболки.

— Никак. Им пофиг, — бормочет Рома. — Мне тоже пофиг.

Он хочет казаться независимым и безразличным, но как

бы ни старался, остается все еще ребенком. Детская обида сквозит в каждом резком движении, в том, как он нарочно смотрит куда угодно, только не на меня, будто если встретится взглядом, вся эта броня тут же рассыплется.

Каждая из эмоций брата находит во мне болевую точку. Давит на нее пальцем. Я не могу не реагировать, не пропускать через себя, ведь кроме меня Ромку поддержать больше некому.

— Им не пофиг. И тебе не пофиг, — заверяю я. — Ты всего лишь первый день в команде. Нужно время. С распростертыми объятиями тебя принять может только военкомат, так что не принимай близко к сердцу. Познакомитесь, узнаете друг друга, подружитесь, — многообещающе произношу я и ежусь под внезапным ударом ветра, когда заворачиваем за угол Спорткомплекса.

Руки мгновенно леденеют и, набросив капюшон на голову, я сую их в карман толстовки, в которой нащупываю ириски.

— Хочешь конфетку? — достав одну, предлагаю брату. — Сладкое поднимает настроение.

Брат бросает короткий взгляд на мою раскрытую ладонь, а потом поднимает его к моему лицу.

— Не, не хочу, — мотнув головой, Рома отказывается, — я уже ел. Тебя тоже Никита угостил?

Никита.

Одного произнесённого имени достаточно, чтобы по телу

разошлась волнующая рябь, как от камушка, брошенного в спокойную воду.

Я замираю на долю секунды, а потом спрашиваю старательно хладнокровно:

— Какой Никита?

— Ну тот, в кепке, с которым ты болтала, когда я ушел в раздевалку. Ты прикинь, он почти всю тренировку за нами наблюдал. Он реально шарит в хоккее. Может, Никита из молодежки? Не знаешь? — рассуждает мой брат.

— Не знаю, — быстро отзываюсь я.

— Он четкий, — продолжает Рома. — Все мои косяки на тренировке жестко разложил.

Чтобы услышать от брата что-то кроме критики, надо постараться его впечатлить. Судя по всему у брюнета это получилось.

Никита.

Мои щеки горят словно их опалило полуденным солнцем.

— Застегнись, — прошу Рому и киваю на его распахнутую спортивную куртку. Щурюсь под очередным хлестким ветреным порывом. — Знаешь, если этот Никита дал тебе пару дельных советов, это не делает его, как ты сказал, — четким, — отчего-то раздраженно говорю я.

Может, потому что этого парня стало слишком много? Теперь, когда в моем распоряжении есть его имя, он больше не незнакомец. Даже с учётом того, что я толком о нем ничего не знаю, картинка яснее некуда. Словно для ее полноты не

хватало штриха — имени. А сейчас всё сложилось — голос, фигура, цвет глаз, мимика… Идеальный портрет.

— Че ты бесишься?! — улыбается брат, заглядывая мне в лицо.

— Я не бешусь, — фыркаю я.

— Бесишься. Ты вкрашилась, что ли?! — веселится малолетний засранец.

— Эй, притормози, ребенок! — я замедляю шаг, ввинтив грозный взгляд в усмехающуюся физиономию брата.

— Ты покраснела! — он смеется.

— Не неси бред, — строго цежу я. Припустив в шаге, обгоняю брата и устремляюсь ко входу в метро.

Я умею на него злиться. Особенно когда он ведёт себя как болван.

Хорошо, что в его двенадцать ему хватает ума понять, в какие моменты перегибать палку не стоит, потому, нагнав меня через пару секунд, Рома как ни в чем не бывало интересуется:

— Как дела в автошколе? Твой инструктор уже успел сохраниться и составить завещание?

Остряк.

Я все еще злюсь и на шутку реагирую нервно. Однако, несмотря на кипяток под одеждой, тема вождения куда безопаснее, чем обсуждение с младшим братом моей несуществующей симпатии.

— Смейся-смейся. Только потом, когда я получу права

и будет жуткий мороз, не проси подвезти твой наглый зад, — отбиваю я, стараясь выглядеть грозно, но уголок рта всё равно предательски дёргается.

Через две недели у меня экзамен по теории. Если я сдам, следующей будет площадка. Здесь все сложнее. Точнее у меня очевидные проблемы с эстакадой.

Я на подъеме глохну. Как и в городе на светофорах. Стоит только остановиться. Это какое-то проклятие. У меня замечательный терпеливый инструктор, но даже у него сдают нервы. Сегодня он пообещал, что как только мне удастся не заглохнуть, он побреет одну бровь. Хотела бы я на это посмотреть.

— Я и не собирался. Я же не самоубийца, — хохочет Рома.

Я кулаком пихаю его в плечо.

Градус напряжения спадает, пока я рассказываю брату о своих успехах, но стоит ему заикнуться о зачислении в Академию, настроение тут же скатывается в минус, а в животе снова тяжелеет.

— Ты не отдала документы? — увеличиваются глаза Ромы.

— У меня не приняли, потому что их должен подать твой законный представитель. Как ты понимаешь, это наш отец.

Роме не нужно объяснять, что это означает. Его глаза тускнеют. Дыхание учащается.

— И бабушка не может? — уточняет с искренней надеждой.

Мое сердце трещит будто его сжали в кулаке.

Поджав виновато губы, я отрицательно мотаю головой.

В горле так тесно, что мне приходится напрячься, чтобы, схватив Рому за рукав куртки, решительно пообещать:

— Я обязательно что-нибудь придумаю. — Тесню нас обоих в сторону от входа в метро. — Все будет хорошо, — заверяю, глядя в серо-голубые, как у меня, грустные глаза.

Глава 8.

У всего есть звуки. У любого момента, у чувств, места, воспоминания и времени года… Даже у тишины. По звуку голоса, по его тембру и громкости можно определить настроение человека, по ударам дождя по карнизу — погоду.

Я люблю собирать звуки. Это началось в раннем детстве, когда мир казался мне не картиной, а партитурой, и каждый шорох был нотой, которую можно превратить в музыку.

Когда мне исполнилось пять лет, бабушка отвела меня в музыкальную школу. На вступительных испытаниях я повторила за членами приёмной комиссии все ритмы и проинтонировала предложенные мелодии.

Меня взяли в класс фортепиано. И уже через год из собранных звуков я научилась составлять гармонию, которую подбирала на стареньком купленном для занятий пианино. Потом сочетания звуков перерастали в мелодию, и тогда же я поняла, что мелодия — это не про безупречное совпадение нот, а про историю, которую она рассказывает.

У входной двери, перед которой мы стоим с братом, большая история. Эта квартира видела многое. Она помнит, кто однажды переступил порог и не вернулся. Помнит и того, кто вернулся, но уже совсем другим человеком.

Из гостиной по полу стелется голубоватый бликующий

свет и доносятся звуки включённого телевизора.

Мы с Ромой переглядываемся.

В один момент наша квартира перестала быть для нас местом, куда хотелось бы возвращаться. Однако она всё ещё оставалась нашим домом, и от этого больнее в тысячу раз, потому что у воспоминаний тоже есть свои звуки, и они наполнены детским смехом, маминым тёплым мягким голосом и громким отцовским.

— Блин, в хозяйственный не зашли, — сокрушается Рома, по привычке дёрнувшись в сторону обувницы.

Бросаю взгляд на болтающуюся дверцу обувной полки.

В доме много чего требует ухода, замены и ремонта. Например, эта обувница. Я каждый раз обещаю себе зайти в магазин и подобрать фурнитуру, но каждый раз этот пункт вылетает из головы, потому что помимо него есть миллион других, и я просто не успеваю с ними со всеми разбираться. А чаще не понимаю, ведь я росла девочкой, а для таких бытовых забот раньше был папа. Человек, который знал, как удержать дом на месте.

Фильтры под раковиной уже не менялись несколько лет. Мы с Ромкой купили новые, но так и не заменили, потому что не смогли открутить крышки. Они будто прикипели к корпусам — как будто само время намертво схватило этот дом в свои ржавые пальцы. Затирка по периметру ванны уже давно осыпалась. Я забиваю проплешины герметиком, но это не панацея от плесени и грибка. Квартире нужна мужская

рука. И не двенадцатилетнего подростка, а мужчины! Человека, который когда-то завёл семью, взял за неё ответственность, а потом малодушно бросил. Предал этот дом. В самую сложную минуту. Когда мы с братом нуждались в нём как никогда.

Рома, минуя гостиную, устремляется с баулом и клюшкой к нашей с ним комнате. Возится с ключами перед дверью. Около года назад я установила замок. Не потому что боялась, что однажды, придя домой, чего-нибудь не досчитаюсь из вещей, а просто нам с братом требовался уголок, хотя бы отдалённо напоминающий то, чего мы лишились два года назад, и место, где теперь хранятся лекарства и колюще-режущие предметы.

Замок от входной двери я тоже поменяла. Сделала его таким, чтобы можно было открыть снаружи, если отец закрывается на внутренний. Один раз такое случилось. Он напился и уснул. К счастью, мы с Ромой не остались на улице, но этого урока с нервотрёпкой, позором перед соседями и вызовом МЧС хватило с лихвой. Этот вечер въелся в память, как кислота в металл.

Я оставляю в прихожей свет.

Рома не закрывает дверь и включает в нашей комнате освещение. Теперь его достаточно, чтобы попасть в зал и что-либо там разглядеть.

Мои шаги бесшумные, но в прихожей есть участок, где сильно скрипит ламинат. Этот скрип тонет в громких звуках

телевизора, но стук своего учащённого сердцебиения я слышу в каждой точке тела.

Это ведь ненормально, что всякий раз, прежде чем заглянуть в зал, я настолько сжимаюсь, что кажусь себе невидимой? Всякий раз, прежде чем войти в комнату, я готовлюсь увидеть что угодно.

Что угодно, чёрт возьми! Всё самое ужасное и непоправимое.

Я всегда об этом думаю. Всегда. И хоть прямых предпосылок для этого не было, теперь я не могу быть ни в чём уверенной. Я не знаю, что происходит с головой и в голове отца. Несколько лет назад я бы смогла расцарапать лицо человеку, который бы сказал, что от моего папы, самого чуткого и ответственного человека на свете, может остаться лишь пустая тусклая оболочка.

Но страшнее всего из этого — что то самое ужасное и непоправимое может увидеть Рома, когда он без меня возвращается из школы или с тренировок. Это мой страх. Инсценировщик моей паники.

Словно ступая на минное поле, я вхожу в гостиную. Она была комнатой родителей, теперь в ней проводит свои ещё молодые годы только отец. Он сидит в кресле, и на его лице мелькают блики от телевизора — они скользят по коже, как холодные пальцы, подчёркивая каждую морщинку и тень. Взгляд направлен мимо меня, будто я — ещё один предмет в этой комнате, не заслуживающий внимания.

Я выдыхаю и принюхиваюсь. Это происходит машинально.

Ничем, кроме безнадёжности, не пахнет.

На моё приближение отец не реагирует. Смотрит, медленно моргая, в одну точку. Не знаю, осознаёт ли он то, что происходит на экране, ведь на его лице, кроме бледности и безобразной, отвратительной небритости, которая скоро превратится в запутанную, жуткую бороду, нет ни малейшей эмоции. А его глаза… как старые выцветшие обои — скучные и безжизненные. Когда-то их оттенок покорил мою маму. Голубые-голубые. Как чистейшее горное озеро. Теперь в них не отражалось ничего, кроме тусклого света экрана.

У моей глухой злой обиды бесформенное строение. Она безобразная, острая, колючая и сжимающая в тиски то место, где она оседает. Сейчас она в горле, поэтому мой голос хрипловатый, когда сообщаю:

— Мы дома.

Голова отца слегка наклонена влево к плечу, руки уложены на подлокотник кресла, ноги широко разведены. Его поза неподвижна, кроме потрясывающейся правой кисти. Этот мелкий, беспомощный тремор — единственное, что выдаёт в нём жизнь.

Отец в застиранной миллион раз рубашке, которая заправлена в спортивные штаны с вытянутыми коленями. Он до слёз тощий под этим тряпьём. Болезненно худой и осунувшийся. На его стопах мягкие тапочки, которыми на днях

я заменила старые с дыркой и отклеенной подошвой.

Рядом на полу оставлена кружка. В ней может быть что угодно, кроме спиртного. Я знаю, потому что самолично обрубила отцу возможность раздобыть алкоголь. Я забрала у него ключи от квартиры. Мы живём на семнадцатом этаже, вряд ли отец решится на побег через окно, да и не в той он физической форме.

Я держу его взаперти уже пять дней. С того дня, когда мы с Ромой обнаружили кухню в жутком состоянии, а отца… у него был приступ, справляться с которым он выбрал с помощью алкоголя. Это крайние, периодические меры. Жестокие. Но отчаянные времена требуют отчаянных мер. Я просто устала. Больше я не знаю, как по-другому вести с ним борьбу. Как удержать человека, который сам хочет упасть в эту чёрную яму.

— Ты чего в темноте? — я щёлкаю по выключателю, и загорается приглушённый свет на двух настенных светильниках.

Моя речь чаще всего остаётся монологом, и я почти не жду, что отец мне ответит. Подхожу к окну, открываю пошире форточку. Потом подхватываю с пола кружку. На дне остатки, кажется, чая. Уношу на кухню, по пути прихватив брошенный на банкетке в прихожей рюкзак.

Сегодня на ужин сосиски, купленные по дороге домой.

Ставлю отцовскую кружку в раковину, включаю кран и мою руки.

На плите — кастрюля. Оттерев руки, заглядываю под крышку. Там сваренные макароны. С масленичным блеском. Ракушка к ракушке. Идеальный гарнир. Как раньше…

Я с громким звуком закрываю крышку — этот резкий хлопок звучит как удар по собственному сердцу. Подхожу к окну и упираюсь ладонями в край подоконника. Смотрю вдаль. С семнадцатого этажа открывается потрясающий вид на огни вечернего города. На верхушку главного корпуса МГУ — шпиль, увенчанный золотистой пятиконечной звездой.

Дышу часто-часто. Сердце взволнованно мечется в груди.

Как раньше…

Отец сотню лет ничего не готовил. Не для себя, не для закуски, а для нас с Ромой. Просто потому что мы его дети.

Внутри меня что-то загорается. Подогревает, придаёт сил и скорости, с которой я кружусь по кухне. Ставлю воду, и пока варятся сосиски, быстро нарезаю салат и хлеб. Прошу Рому принести бабушкино закатанное лечо, которое мы тоже прячем в нашей комнате.

— Ну чё, садимся? — брат усаживается за стол, шаркая по нему голодным взглядом.

— Сейчас. Минуту, — произношу я и под вопросительно приподнятые брови Романа выхожу из кухни.

Скреплю ламинатом, захожу в зал. Останавливаюсь в паре метров от отца.

— Пойдем ужинать, — произношу чуть громче голосов с экрана телевизора.

Это приглашение за стол пропитано искрами надежды, поэтому его озвучить дается легко.

Отец поворачивает голову, смотрит на меня несколько секунд, а потом кивает.

Я рвано выдыхаю, глядя на то, как он наклоняется и шаркает по полу рукой в поисках кружки.

— Я отнесла ее на кухню, — сообщаю ему.

Папа снова кивает. Медленно, упираясь ладонями в подлокотники, встает с кресла — каждое движение даётся ему, как человеку, который заново учится быть в собственном теле. У меня внутри возгорается тоненько скулящее желание помочь, но настоявшаяся за годы до твердого состояния злая обида останавливает, напоминая, что он сам отказался от помощи. От нашей с братом, от медицинской, от бывших коллег и близких ему людей. Он нашел забвение в депрессии и алкоголе, на время притупляющем все его боли.

Отец выпрямляется. Он высокий мужчина, а худоба зрительно сделала его еще выше. Мы с Ромой ростом в него.

Я разворачиваюсь и, ощущая себя так, словно выиграла в битве или игре, иду на кухню. Позади себя слышу шаги.

У Ромы округляются глаза, когда за моей спиной видит отца. Брат переводит взгляд на меня, и я коротко ободряюще ему улыбаюсь. Я знаю, что у него есть вопросы, даже претензии. Они розовыми пятнами транслируются на его лице. И в позе, которую он принимает — несуществующей расслабленности, хотя его плечи и скулы напряжены.

Я тоже напряжена, но в отличие от брата исходящий от меня ток — не колючий. Я все еще не сдаюсь и борюсь за нашу семью.

Рома двигается вместе со стулом и пропускает отца к его месту.

Я наблюдаю за ними незаметно, искоса, пока раскладываю ужин по тарелкам.

Ощущение — будто мы миллион лет не сидели вот так — вместе. Будто за эти годы между нами выросла стена из тишины, и сегодня мы впервые за долгое время нащупали в ней крошечную дверь и сумели протиснуться сквозь неё. Это ощущение бурлит в крови не только у меня — брат мечется взглядом по своим рукам, стенам, утыкаемся им в стол, откидывается на спинку стула, потом укладывает локти на стол… Все эти сумбурные, нервные движения — только чтобы не смотреть на отца. Ему я первому подаю ужин, и когда слышу тихое «спасибо», меня словно обняли. Простое отцовское «спасибо» — как долгожданное объятие. Оно не стирает прошлого, не извиняет, но на одну короткую секунду возвращает ощущение, что он всё ещё мой папа, а я всё ещё его дочь.

Я делаю вдох, а выдохнуть стараюсь бесшумно, выставляя перед братом тарелку с его порцией.

Никто за столом не принимается за еду, пока я не занимаю свое место. Оно — напротив отца, кухня небольшая, а мы трое — не самые миниатюрные, потому, даже глядя в свою

тарелку, я имею возможность «наблюдать» за папой.

Как только я сажусь, Ромка набрасывается на ужин. Помимо того, что он делает это, чтобы спрятаться от напряжения за столом, брат действительно после тренировок всегда голоден.

Взгляд отца опущен. Взяв в левую руку вилку, он не торопится использовать ее по назначению, а покручивает в пальцах в то время, как правая кисть мелко стучит о край стола.

Отец правша, и делать даже такие примитивные вещи, как держать кружку или расчесаться левой рукой, — ему непривычно. Они его злят. Нервируют, заставляют чувствовать неполноценным.

Рома отправляет в рот наколотый на вилку помидор из салата и, как и я, старается не обращать внимание на неудачные, корявые попытки отца насобирать на вилку ракушки и поднести их ко рту. Он злится, сжимает и разжимает кулак правой ладони.

Отец считает себя инвалидом. Я не считаю его физическую ограниченность слабостью.

Слабостью я называю его стремление справляться с нашим общим горем вот так — отгородившись от нас, отказавшись от лечения, замкнувшись в себе и в поиске утешения в алкоголе.

На очередном волнообразном нервном накате от стоп к горлу я вскакиваю со стула, вынудив Рому замереть.

Выдвигаю ящик и достаю ложку, которую кладу рядом с

тарелкой отца. Все решаемо, черт возьми! Только пусть не закрывается в своей непробиваемой раковине.

Я чувствую, что то теплое, что возгорелось во мне вместе с надеждой, медленно тлеет, уступая место уже привычной злой обиде, но я упрямо хватаюсь даже за эти тлеющие угольки и дую на них, чтобы не дать погаснуть.

— Приятного аппетита, — желаю сдержанно и принимаюсь за еду, совершенно не различая той вкус.

Я бы хотела развидеть. Отключить на время периферийное зрение, ведь, глядя исключительно на сосиски в своей тарелке, я не перестаю видеть отца.

Он не ест. С шумным выдохом откидывается на спинку стула и прикрывает глаза. Делает это с молниями на лице, словно через болезненно-мученическое преодоление.

— У тебя болит голова? — спрашиваю я. Ресницы отца вздрагивают, он открывает глаза и смотрит на меня. — Дать таблетку?

Молча отрицательно качнув головой, папа опускает глаза и берет ложку. Зачерпывает макароны…

После черепно-мозговой травмы помимо тремора правой руки его мучают сильнейшие головные боли, и я уверена, что сейчас его голова дико раскалывается.

Я до скрежета зубов хочу помочь ему, а не усугублять ситуацию, но вопреки отпускаю тросы, на которых держалась моя выдержка, и она в ту же секунду лопается как мыльный пузырь.

Просто… я устала.

— А чем тогда тебе помочь? — яростно произношу я, пугая Рому и обращая внимание отца на себя. — Может, сбегать за бутылкой?

— Лиза… — тихо отзывается папа.

Я обрываю его на полуслове:

— Да очнись ты уже наконец! Ты не один ее потерял. Мы тоже ее потеряли, но мы… все еще есть! Здесь! Просто заметь нас! — не сдерживаю злости и обиды.

— Лиз… — тормозит меня Рома, а мне так все осточертело, что позволяю себе выплеснуть злую энергию.

— А вот твой сын! — я бросаю ладонь на плечо брата, удерживая взгляд отца. — Еще помнишь его? — растягиваю губы в ядовитой улыбке. — Представляешь, пап, его взяли в команду «Сокол».

— Лиз, не надо, — тонко «басит» Рома.

А в меня уже вселилась огненная геенна.

— Почему не надо? — я резко поворачиваю к нему голову. — Очень надо. Очень! — выкрикиваю я, заметив, какой болезненной судорогой дернулась скула отца, когда возвращаю ему внимание. — Может, ты еще помнишь, что это была мечта твоего сына. Но ее можно будет отправить к чертям. Туда же, куда я отправила свою. А знаешь почему? Потому что у меня не взяли документы на зачисление, ведь их должен предоставить отец, — мой голос звенит. — Отец! Понимаешь? Ты все ещё считаешь себя таковым? Извини, но я

уже нет, — морщусь. — Хотя сегодня на секунду, на чёртову малюсенькую секунду мне показалось, что ты, пап, вернулся, — я вскакиваю из-за стола и нависаю над отцом. — Мне показалось, —подавив слезный комок в горле, выплёвываю: — ненавижу тебя.

Я слышу Ромкин и отцовский голоса, летящие в спину, пока быстрым, вколачивающим пятки в пол шагом преодолеваю коридор.

Схватив с крючка ветровку, психованно пихаю в нее руки, ощущая, как собственное сердцебиение оглушает и поднимает температуру тела.

Копаюсь в рюкзаке в поисках наушников.

— Ты куда? — надо мной звучит голос брата.

Нащупав футляр, поворачиваю голову.

— Иди ешь. Я сейчас вернусь, — говорю твердо.

— Лиз…

— Все нормально. — Распихиваю телефон и наушники по карманам куртки.

Внутри так зло печет и сотрясает, что не сразу удается справиться с дверным замком, а когда удается, с грохотом закрываю за собой входную дверь.

По лестнице я несусь вверх со скоростью свистящей пули. Преодолеваю шесть пролетов и перед лестницей, похожей на стремянку, ведущую на технический этаж, сгибаюсь пополам, тяжело и рвано дыша.

***

Я возвращаюсь домой спустя сорок минут.

В квартире тихо. Свет желтой лунной дорожкой тянется по полу из нашей с братом комнаты, дверь в которую приоткрыта.

В зале темно. Отец либо спит, либо… не знаю. Не хочу анализировать. Это слишком трудозатратно для бессодержательной меня. Там, на крыше нашей высотки, я обесточилась. Вечный, гуляющий наверху сквозняк, как антибиотик, выветрил из меня всё: и хорошее, и плохое. Шататься по крыше — не самый лучший способ для перезагрузки, но он рабочий.

С пустой головой, игнорируя гостиную, я заглядываю в спальню. Брат склонился над рабочим столом, на котором разложены школьные учебники и тетради.

Он слышал, как я вошла, поэтому смотрит на меня, слегка поджав губы.

— Ты поел? — интересуюсь я.

Рома кивает.

— Хорошо.

Я прикрываю дверь за собой. Иду на кухню. Нахожу её в идеальном порядке: посуда вымыта, а на столе, кроме тарелки с моим нетронутым ужином, ни крошки.

Я не хочу есть. Точнее во мне ни ощущений, ни чувств, ничего. Накрыв тарелку блюдцем, убираю в холодильник.

Завариваю себе чай, выпиваю, принимаю душ… Набор механических действий. Он тоже действует терапевтически,

и, забравшись в постель, мне хватает секунды, чтобы начать терять связь с действительностью, в которую неожиданно вторгается голос брата.

— Лиз, спишь?

Матрас Ромкиной кровати слегка поскрипывает, когда он переворачивается с бока на бок.

В нашей спальне темно. Я могу притвориться, что сплю, даже хочу это сделать, но Ромка дышит слишком шумно, а это значит, что его переполняют эмоции. Свои я выплеснула, и я не эгоистка, чтобы не дать сделать это брату.

— Нет, — отзываюсь тихо.

Матрас под Ромой снова скрипит.

— Я тоже, — вздыхает он. — Лиз?

— М?

— Можно сказать? — опять вздыхает.

Я переворачиваюсь лицом в сторону его постели.

— Всегда.

Рома тоже укладывается так, что теперь наши глаза напротив друг друга.

— Я тут в инете почитал… — мнется он. — В общем… ты же можешь оформить надо мной опеку? Тебе есть восемнадцать, и у тебя есть работа…

Ромка говорит, говорит, говорит…

А я стискиваю пальцами подушку.

Это так страшно, что ребенок, имея живого дееспособного отца, думает об опеке…

Глава 9.

Никита

— … я ищу вдохновение.

Черт.

Я почти спотыкаюсь, переступая ступень лестницы. Услышать этот голос в начале дня у себя дома — дурная примета. Все равно что встретить черную кошку с пустым ведром.

Я бы лишился своего языка или еще какого-нибудь важного органа, скажи об этом кучке обезумивших фанатов этого голоса. Меня порвали бы на куски.

— Где? На очередной тусовке или на дне стакана? Вряд ли ты найдешь его там, — произносит моя мать. Ее тон всегда монохромный: ровный и сдержанный, но эта женщина умеет смотреть так, словно держит за одно место.

— Лара, ну камон, хватит. И так голова трещит, — вздыхает Аврора — вспыхнувшая на небосводе поп-музыки звезда, быстро словившая звездную болезнь и, как это часто бывает, впавшая в творческую депрессию. — Мне плохо, Лар, — страдальчески тянет она. — Вообще плохо. Во всех смыслах. Обо мне забывают.

— И забудут, — хладнокровно подтверждает мать, — если ты не возьмешь себя в руки и не вернешься к работе. А напиваясь в каком-то третьесортном караоке в сомнительной компании, ты найдешь не вдохновение, а в лучшем слу-

чае гонорею.

Я усмехаюсь.

Мать умеет профессионально поддержать.

Сбегаю по лестнице на первый этаж. Морщусь, ступая босыми стопами по теплому полу.

За окнами сентябрь включил режим «духовки». Даже тень ищет тень.

— Я работаю! — эмоционально вторит Аврора, по паспорту Алёна.

— Ты работаешь слабо. Дорогая моя, шоубизнес жесток. Конкуренция как на рынке, где много продавцов одного и того же товара. Пока ты ищешь вдохновение, сотни вот таких вот Ален из глубинок задницы рвут и претендуют на твое место..

Моя мать — музыкальный продюсер продукта «Аврора», порвавшего два с лишним года назад концертные площадки.

У Ларисы Максимовны не бывает нерентабельных проектов. При желании она способна продать даже воздух или же раскрутить конкурс лени, сделав из него шоу с миллионными просмотрами. Но Аврора… нечто особенное для нее. Прима. Я не помню, чтобы мать нянькалась с тем, кто перестал приносить ей бабки, а для Авроры сейчас не лучшие времена.

— Я не всякий товар на полке, — обиженно бормочет Алена.

— Да, ты бриллиант, — сухо отзывается Максимовна. —

Но даже ты перестанешь сиять и быть интересной, если будешь лежать в бархатной коробочке и ждать, когда на тебя соизволит упасть вдохновение, — ее слова сопровождаются легким стуком чашки о блюдце. — Бриллианты сверкают только в свете. Так что доставай себя из коробки и начинай пахать.

Я прохожу через гостиную.

В такие моменты я жалею, что обладаю слухом. Слушать это дерьмо мне хочется так же, как присесть голым задом в крапиву, но у меня есть уши, и в них влетают все звуки, пока шагаю в кухонную зону.

Мать и Алена сидят на широком угловом диване. Матушка с идеально ровной спиной, ее «звездная инвестиция» — растекшись бесформенной жижей.

Я вижу макушку Алены. Темные, как горький шоколад, волосы, собранные в объемную свободную косу.

— Мне нужна песня. Нужен хайп, фанатская истерия, хейт, что угодно! Я так скучаю по этому, Лара, — причитает Алёна. — Я снова хочу рвать все чарты.

— Для этого сначала ты должна порвать зад. Я жду от тебя хит.

— Мой фан-клуб тоже его ждет, — фыркает Алена. — Черт возьми, я сама от себя его жду, но в голове пусто, понимаешь? Ни музыки, ни слов…

Я включаю шумную кофемашину и готовлюсь быть замеченным.

И это происходит.

— Привет, сынок, — слышу в спину.

Оборачиваюсь.

— Доброе утро, — улыбаюсь матери.

Тянусь за графином с водой, пока машинка промывается.

— Уже час дня, — сообщает Максимовна.

Воу.

— Ну бывает, — пожимаю плечом.

Мать вздыхает.

— А тебе разве в институт не надо? — интересуется она, выглядывая из-за спинки дивана.

Делаю глоток воды натощак. Это многолетняя привычка.

— А какой сегодня день недели? — уточняю, глядя на Максимовну поверх стакана.

Роскошная женщина. Грация, богиня, пантера… мм-м… орлица! Никогда не видел родительницу без макияжа, укладки и идеально подобранного гардероба. Она всегда дива. Всегда блистает. Будь то похороны или отдых на островах.

Сегодня на ней брючный костюм благородного оливкового цвета. Темные волосы собраны в элегантный пучок на затылке. Строгая, властная женщина. Хищница с каждым, кто не мой отец. Только с ним моя мать снимает королевскую мантию и прячет клыки.

— Четверг, — отзывается она.

Воу-воу.

— Быва-ает, — с весельем тяну я, разведя одной рукой,

и допиваю воду.

— Боже… — качает головой мать. — Ты ведь в курсе, что у тебя выпускной год?

— Ма, все под контролем, — ставлю стакан на столешницу. — Я уже заказал дипломную.

— Господи, — снова вздыхает она.

Какое счастье, что у нее есть еще один ребёнок — моя старшая сестра Валерия. Родительские амбиции и ожидания легли на ее хрупкие, девчачьи плечи, ну а я… я просто красивый.

Слева от матери, поигрывая концом косы в пальцах, призывно улыбается Алена. Стараюсь игнорировать, но она так ждет моего внимания, что не по-джентельменски не дать его ей.

— Отлично выглядишь. Бухала вчера?

— Никита! — глаза матери с аккуратными стрелками округляются.

— Это был комплимент, — комментирую я и возвращаюсь к кофемашине, задним фоном слыша, как Максимовна возмущается. Правда не долго, ведь у нее звонит телефон. Она берет трубку и уже через секунду поднимается с дивана.

— На какое число? — спрашивает собеседника, уже направляясь в свой кабинет. — Надо в графике посмотреть…

Очищаю контейнер от кофейных отходов.

— Это было грубо, — слышу голос. Он близко, рядом со мной. Как и бессменный аромат ее парфюма — акватическая

прохлада.

Алена.

Отираю капучинатор от остатков молока.

— Прости, но мне плевать, как это было, — не поворачиваясь, сообщаю.

— Тебе не плевать, — звучит самодовольно. — Плевать — это когда ноль эмоций. А ты до сих пор сердишься на меня, грубишь в попытке уколоть побольнее, а это эмоции. Значит, я тебе небезразлична, — аргументирует она.

— Для человека, у которого похмелье, ты слишком много думаешь, — буднично произношу я.

Я не пытаюсь разубедить или поспорить с ее философией. Это бы означало, что она права. А правда в том, что я в самом деле переболел. Почти без побочек. Если не считать моих неугодных для нее комментариев, когда она решает со мной коммуницировать. Сам я такой потребностью не обладаю, но если приходится — да, мои комментарии вот такие. Мне кажется, это справедливая компенсация. С учетом того, что за два года, с тех пор как мы расстались, я ни словом не заикнулся об Авроре, чтобы хоть как-то назло подмочить ее репутацию.

Загружаю свежие зерна.

— Вот опять. Ты снова грубишь. Сделаешь мне кофе? — она подтягивается на руках и, уперевшись пятками в дверцу нижнего шкафа, усаживается на край столешницы рядом с кофемашиной.

— Тебе домой не пора? Писать новый хит и всё в таком духе… — забираю с полки две чашки: свою и её — с принтом поющих мультяшных нот. Ее кружка уже вторая в нашем доме. Первую я расколотил вдребезги. Как и когда появилась эта, я так и не понял.

— Не обязательно вести себя как задница, — фыркает Алена. — Ты же совсем не такой. Ты — самый ласковый, нежный, романтичный, внимательный и заботливый из тех, кого я знаю.

А, ну да. Именно поэтому ты полезла в штаны какого-то татуированного патлатого придурка с сережкой в носу.

В хороших мальчиков не влюбляются, с ними скучно. Круче, когда твой парень — блеющий под фанеру идиот, возомнивший себя рэпером.

Я усмехаюсь. Лезу в холодильник за упаковкой молока.

— Не знаю такого. Не помню, — возвращаюсь к машине.

— Хочешь освежим тебе память? — шепчет Алена и дотрагивается до моего локтя.

Это прикосновение как ледяной душ.

Дернув рукой, я сбрасываю ее ладонь и впервые за время нашего диалога смотрю на нее. Большие красивые карие глаза. Тонкие брови, выразительные скулы, загорелая кожа, на шее тонкие завитки темных прядей, выбившихся из косы. Сочные губы… Я знаю эти черты, все до одной. Раньше они сводили с ума. Теперь… теперь они только детали ее красивого лица.

— Погудин звонил, — за спиной звучит голос матери.

Одновременно с Аленой реагируем на него — я оборачиваюсь, Алена поворачивает голову.

Опустив глаза в экран телефона, Максимовна приближается к нам.

— Он хочет Аврору на какой-то там корпоративный вечер, — продолжает она. — Это будет третье октября, у тебя все свободно, — подняв лицо, предупреждает Алену.

Сощурив глаза, мать поочередно разглядывает нас с ней. Притормаживает. Наклоняет голову влево, вправо. И этот взгляд… Я его знаю. Он неминуемо предвещает, что в ее гениальной голове родилась не менее гениальная идея.

— Вы оба, — наставляет на нас телефон. — Может, в субботу появитесь вдвоем? — приподнимает она бровь. — Будет Инга. И если вас вместе увидит она — узнают все. Ты хотела хайпа? — мать врезается взглядом в Алену. — Это будет сенсация!

Мои кулаки сжимаются.

Живот напрягается так, словно готовится к очередному в него удару — так действуют на меня слова матери.

Однажды её подобное предложение сработало.

Слухи, сплетни, ажиотаж, внимание, интерес, восхищение, ненависть. Было всё. О нашей с Авророй паре говорили и писали в каждом паблике.

Молодая, восходящая, покорившая миллионы сердец звезда эстрады Аврора и сын самого крутого музыкального

продюсера страны, центральный форвард молодежной хоккейной команды «Сокол», мечтающий надрать задницы всем легендам НХЛ.

Наш роман для публики был зрелищем. Для матери — проектом, а для меня… Если бы мать знала, она бы сейчас даже не заикнулась о том, что сказала.

Потому что два года назад я потерял всё.

Всё, что любил.

Я шумно втягиваю вмиг ставший тошнотворным воздух.

— Не будет, — жестко обрубаю мать. — В субботу мне есть с кем прийти.

Глава 10.

Никита

Я уже трижды изобразил многозначительный полукивок-полувзгляд одному из трех суетящихся за стойкой барменов — и эффекта оттого ноль.

Оборачиваюсь, надеясь среди девушек, перемещающихся по залу, найти ту от одного взгляда на которую на моем лице расползается улыбка.

Сегодня четверг. На первый взгляд — ни одного свободного стола, но зал хорошо просматриваем, и я не вижу знакомой тонкой, худощавой фигуры. Вполне возможно, сегодня вообще не ее смена. Я шел сюда абсолютно неподготовленным. Я полагаюсь чисто на удачу, но сумею пережить, если вдруг окажусь неудачником.

Очередь наконец доходит до меня.

По телу вверх поднимается вибрация раскатистых плотных музыкальных басов, сквозь которые буквально приходится пробираться, чтобы бармен с именем Арсений на бейдже услышал меня.

— Не подскажешь, где Лиза? — подаюсь корпусом ближе, кладу ладонь на стойку. — Официантка. Работает здесь. Светленькая такая… — даю «информативное» уточнение.

При необходимости я бы мог составить точный фоторобот.

Ее внешность… она запоминающаяся. Не из тех, кого теряешь в толпе. Острый упрямый подбородок, острые черты лица. Кончики ушей, взгляд — тоже острые. Серо-голубые глаза и горящие щеки как два ожога на ее светлой, полупрозрачной коже. Тонкая линия силуэта. Как стебель цветка, у которого за внешней хрупкостью скрываются десятисантиметровые шипы.

Я не любуюсь своим лицом, стоя перед зеркалом, но уж точно никогда не считал его подозрительным. Почему оно таковым кажется бармену, я без понятия, но он хмурится, глядя на меня, и всматривается будто я в черном списке этого заведения.

— Я ищу Лизу, — повторяю громче. — Она сегодня работает?

— Нет. Она уволилась, — больно хлещет мой профиль знакомый голос.

Я морщусь и вскидываю руку, чтобы прочистить оглушенное правое ухо.

Бармен переводит взгляд с меня на обладательницу этого голоса, потом обратно.

На моем лице улыбка. Я ее не достаю из себя, скорее она достает меня.

В теле волнующее предвкушение. Вот она, первопричина, почему я здесь.

Я не поспешил с выводами — я действительно неравнодушен.

С ленцой поворачиваюсь и опираюсь локтем о край барной стойки. Сетчатку моих глаз обжигает не бьющая по ним подсветка, а горячий блеск ее фирменного прищура.

Ва-ай, как мне нравится!

— Что ты здесь делаешь? — Лиза упирается ладонью в кромку столешницы.

Ее волосы снова стянуты на затылке резинкой, отчего скулы сильнее заостряются. На них уже знакомый румянец. Он естественный, но не типичный. В конце нашей последней встречи я узнал, что он появляется, когда связанным со мной эмоциям становится внутри нее тесно.

Это мне льстит, черт возьми!

— Привет! — отзываюсь с весельем и разглядываю её.

Лиза в джинсах и заправленной в них молочного цвета базовой футболке. На лице — ни грамма макияжа, только натуральные краски без фильтров.

— Привет, — сдержанно произносит она и резко поворачивается к бармену: — для третьего столика готово?

Косо поглядывая на меня, тот отрицательно крутит головой.

Я терпеливо жду к себе внимания.

— У тебя заказ или… — Лиза многозначительно выгибает бровь, предлагая продолжить мне. Мажет по моему лицу взглядом. Делает это быстро, словно у нее установлено ограничение.

Что касается меня, я не устанавливал для нее никаких

ограничений. И для себя тоже, я вообще не вижу препятствий нашему нормальному знакомству.

— Есть свободная минута? — спрашиваю, глядя ей в глаза.

Без понятия, о чем она думает, получив этот вопрос, но ее дыхание сбивается.

Лиза выглядит так, будто я предложил ей прыгнуть с парашютом без парашюта, а ведь я… я еще даже ничего не начинал! Блин!

Я облизываю губы, маскируя за этим действием улыбку, которая сейчас не в кассу.

— Зачем? Я… на работе, — она стреляет глазами по сторонам.

— Всего минута, — убеждаю я.

Лиза сомневается. Мнется. Если бы хотела меня послать, уже давно бы сделала это.

Её пальцы постукивают по стойке, а взгляд то цепляется за наблюдающим за нами барменом, то снова возвращается ко мне.

Я не давлю. Я просто вижу ее небезразличие и жду, пока она сама с собой договорится.

— Ладно. Но только минута, — сдается Лиза. — Пошли, — кивает в сторону служебного коридора.

Мое настроение взлетает.

Подмигиваю бармену и, крутанувшись на носках, разворачиваюсь.

Нагоняю Лизу.

— Он что, глухонемой? — чуть наклонившись к ее виску, спрашиваю. Она пахнет едой. Кухней. Я снова дебильно улыбаюсь.

Лиза поворачивает ко мне лицо. Сводит брови.

— Кто?

— Бармен. Арсентий.

— Арсений, — поправив меня, она закатывает глаза. Мы заруливаем в коридор. — Он нормальный.

— Я не спорю. Так глухонемой или нет?

Судя по тому, что я так и не добился от него ни одного слова, — да.

Лиза шумно выдыхает. Словно пытается сдуть с себя мое веселье.

Улыбаюсь, блин.

Я знаю, что бешу ее. И эта реакция приносит мне чистое удовольствие.

— Он не глухонемой! — почти рявкает Лиза.

Окей, значит, просто придурок.

Мы выходим через служебный выход на задний двор. Так понимаю, для персонала здесь курилка. Рядом с будто сколоченной вручную деревянной скамьей стоит урна, заваленная сигаретными окурками, чуть выше на стене грозит противоречивая наклейка с надписью «Не курить!».

В паре десятков метров от входа два мусорных контейнера, слева — убегающая вверх лентой пожарная лестница, под

которой гудят три огромные производственные охлаждающие системы.

Круглый плафон над железной входной дверью лупит по глазам ярким белым светом, безжалостно высвечивая здесь каждую неприглядную деталь.

Теплый ветер, лениво гуляющий по двору, пропитан сложным запахом помойки, едких выхлопных газов и шумом проспекта — честная шершавая изнанка мегаполиса. Идеальное место для знакомства.

Лиза поворачивается ко мне лицом, складывает на груди руки.

— Прикольный фартук, — произношу я, когда скатываюсь взглядом с ее лица.

Я в курсе, что у нас дефицит времени, и тратить прайм-тайм неразумно, но… с чего-то же надо начать, чтобы разрядить обстановку. Я уже понял, что в общении с Лизой это моя зона ответственности. В целом я не против.

Она фыркает.

— С удовольствием дам тебе его поносить.

Примерно такого ответа я и ожидал.

Улыбаюсь.

В спину врезаются лязг металлической двери и басов. Я машинально оборачиваюсь.

— Лиз, заказ готов, — сообщает тот самый бармен. Арсений по бейджу. Высунув башку в проем, оценивает обстановку: смотрит на Лизу, косится на меня.

— Хорошо. Сейчас подойду, — отзывается она дежурным тоном.

Парень кивает. Прежде чем скрыться, одаривает меня таким взглядом, что… воу-воу я прямо забоялся! Судя по всему, это было предупреждение. Мне.

— Твой парень? — интересуюсь, когда за Казановой закрывается дверь.

Я почти уверен, что это не так, но сейчас удобный случай, чтобы прощупать почву и убедиться в отсутствии препятствий.

Лиза хмурится, будто мой вопрос врезался в нее как вилка в искрящую розетку.

— Арсений? Нет! Он бармен! — отвечает она так быстро, что сомнений не остается: статус — свободна.

На лице Лизы вспыхивает очаровательный румянец.

— Ты ведь в курсе, что нравишься ему? — веселюсь я, получая удовольствие загонять ее в краску.

— Что? Нет! С чего ты взял? Мы общаемся… и… он мой коллега… — растерянно убеждает, проведя ладонью по предплечью.

— Ну знаешь… — со знанием дела веду плечом, — ты ему интересна. Он мечтает, чтобы это было взаимно, но он слишком придурок, чтобы тебе признаться. Такие тихушники только и способны, что лицезреть со стороны и ночами фантазировать…

— Господи, заткнись! — перебив меня, Лиза морщится.

— Я, к слову, ни из его команды, — улыбаюсь. — Для меня не проблема сказать девушке прямо о симпатии.

— Как ты себя любишь, — качает головой Лиза, сделав круг глазами по моему лицу. Я побрился.

Сую ладонь в карман.

— Дело не в этом. Я просто в себе уверен, — мое заявление вынуждает Лизу закатить глаза.

За спиной снова открывается дверь.

— Там просят счет, — доносится оттуда же.

Чертов Казанова достал.

Я оборачиваюсь, и по выражению моего лица он должен это понять. На его бесячую персону я потратил свою законную минуту.

— Слушай, мне правда пора, — суетится Лиза.

Я не получил того, ради чего приехал. Это парит.

— Когда у тебя заканчивается смена? — с внутренним раздражением я торможу девушку.

Она замирает. Прожектор над входом услужливо подсвечивает эмоции на ее лице. Крошечный испуг в глазах, удивление, слегка приоткрытые губы…

— Сегодня в десять, — отвечает она, сощурив глаза.

Я смотрю на время на электронных часах.

Еще два часа.

— Окей.

Глава 11.

Лиза

Два часа, с тех пор, как Никита сказал «окей» и ушел, я не нахожу себе места, хоть его и предостаточно. Работы полно, мне не приходится скучать и бездействовать, но внутри меня вертится быстрый и неугомонный волчок. Такой, что от его вращения сложно сконцентрироваться, и на каждом обороте он тянет за собой десяток вопросов.

Что значит «окей»?

Зачем он искал меня?

Что хотел сказать?

Миллион версий, и каждая цепляется за следующую, раскручивая этот проклятый волчок ещё быстрее.

Арсений придерживает для меня дверь, когда в начале одиннадцатого выходим из бара. Сегодня не смена Арины, так что нас с Арсом двое.

Сквозь волнение я способна различить, что воздух теплый. Не типично мягкий для конца сентября, словно столица напоследок решила придержать лето. Это всё, что удается почувствовать, потому что девяносто девять процентов сил я трачу, чтобы исследовать парковку и ближайшее к бару окружение.

Я не знаю, чего хочу больше: увидеть его сейчас или наоборот.

Если да, то зачем?

В ушах всё ещё стоит многослойный гул бара, в который вклиниваются сильные и громкие удары сердца, стоит мне заметить черный внедорожник, припаркованный на противоположной стороне дороги.

Дверь машины открывается, и из салона выбирается Никита. Быстро покрутив головой по сторонам, он переходит дорогу. Не бежит, не торопится. Делает это с такой подавляющей уверенностью, что даже свет фонарей подстраивается под его шаг, ложась перед ним ровными освещающими полосами.

Сегодня на нем темные прямые джинсы и плотно облегающая плечи черная футболка, в вырезе которой снова поблескивает толстая цепочка. Без лишней небрежности, без показной пыли в глаза. В нем и на нем все смотрится свободно и естественно, даже его фирменная ироничная ухмылка, с которой он сокращает между нами расстояние.

Я останавливаюсь.

Арсений тоже. Его брови чуть приподнимаются, будто он готовится к столкновению.

— Идешь? — в его голосе очевидное раздражение. Во взгляде, когда поворачиваю к нему голову, — что-то очень яростное.

В позе Никиты, остановившегося от нас в метре, — самоуверенное и расслабленное спокойствие. На лице — дразнящая усмешка. Мне хочется ее стереть, потому что знаю, по-

чему он усмехается, и это по отношению к Арсению необоснованно грубо.

— Извини. Я… я задержусь, — говорю я виновато, глядя Арсу прямо в глаза. — Сама доберусь и… спасибо.

Выходит неловко и скомканно. Я в самом деле не хочу обижать парня. Мне правда жаль, что приходится вот так делить вечер, но сейчас я выбираю остаться. Это мой выбор. Я так хочу.

— Ладно. Понял, — рвано отзывается Арсений, скача взглядом между мной и Никитой. Сует руки в карманы тонкой ветровки. — Пока.

Кивнув, желаю ему доброй ночи. Смотрю вслед, когда Арс разворачивается и уходит, смешиваясь с тенями фонарей.

— Он ревнует, — насмешка в голосе Никиты звучит не зло, но все равно возмущает.

— К тебе? — фыркаю я. — Ты себе льстишь.

— Я серьезно. Парень влип.

— Ты и в этом профи? Я прямо не успеваю держать карман шире для твоих советов и наблюдений.

Никита улыбается и даже не спорит. А я тоже не спорю, потому что в отличие от него совершенно не разбираюсь в мужском внимании. В том, каким оно должно быть, и есть ли вообще.

Я не замечала за Арсением интереса в свой адрес. Мы работаем бок о бок, нас даже друзьями не назовешь, мы коллеги, и я всегда принимала это как данность. Это как свет

в коридоре, который просто есть, и ты не думаешь, кто его включил.

Повисшее между нами молчание заставляет колотиться мое сердце, ведь я понимаю, что мы подошли к той части, в которой я узнаю, почему он ждал меня два часа.

Я взволнованна. Я чувствую вату в коленях.

Ощущаю «прикосновение» его глаз, когда он смотрит на меня — так, будто осторожно трогает взглядом каждую деталь во мне, от этого по коже бегут мурашки.

Парни со мной никогда не знакомились. В том понимании, что никто из них не интересовался мной как девушкой. Так, как обычно знакомятся в моем возрасте. Я не переживала по этому поводу. Я вообще не думала об этом! До шестнадцати лет всё, чем была забита моя голова, — музыка. Я мечтала стать композитором и нафантазировала себе, что мои песни станут саундтреками чьей-то жизни: кто-то будет включать их, когда впервые признаётся в любви, кто-то — когда собирает чемодан, чтобы уехать в путешествие, а кто-то — просто, чтобы не чувствовать себя одиноким.

В пятнадцать я поступила в училище эстрадного и джазового искусства. Летом, окончив первый курс, я потеряла маму, и моя жизнь треснула посередине, как старая пластинка, на которой дальше уже не сыграть ту мелодию, что была задумана. Всё, что казалось важным, вдруг стало крошечным и далёким, как звуки за окном. Реальность постучалась в дверь и пришло время просто держаться на плаву. Просто

выживать! Не мечтать, не планировать, не заниматься тем, от чего получали удовольствие мои сверстники.

Потому сейчас в компании парня я чувствую себя странно. У моих ощущений незнакомый вкус. Мои ощущения… сложные! Я словно стою на чужой сцене с неизвестным инструментом в руках. Я волнуюсь, хоть у этого состояния могут быть вполне абстрактные и не касающиеся меня причины. Вполне возможно, Никита здесь потому, что ему есть что рассказать об успехах моего брата или потому, что хочет поделиться наблюдениями.

Почему я решила, что он пришел лично ко мне?

— Как дела? — парень отправляет одну ладонь в карман джинсов. Изучает меня: от макушки до середины груди. Я тоже в футболке и джинсах, и хоть этот комплект одежды у нас одинаковый, я не выгляжу так, будто весь город лежит у моих ног.

Я успеваю сделать вдох, прежде чем мой ответ перебивает трель звонящего телефона. Он вопит из моего рюкзака, вопит несколько секунд, потому что я медлю с тем, чтобы взять трубку. Даже зная, что звонить может брат, я испытываю раздражение, потому что нам с Никитой снова кто-то мешает. Судя по всему он думает так же. На его лице ожидание. Слегка приподняв брови, он смотрит мне в глаза с легкой иронией.

— Ответь, — кивает он на рюкзак.

С тихим вздохом я ныряю в толщу сумки, и когда, отыскав

телефон, смотрю в экран, раздражение выталкивается толчком беспокойства. Я не часто вижу имя соседки со второго этажа на дисплее своего андроида, а если приходится, это всегда не к добру.

Глава 12.

— Спасибо, тёть Марин. Я сейчас приеду, — нервно обещаю в трубку и завершаю звонок.

Пальцы дрожат. Я едва удерживаю в них телефон, который норовит выскользнуть, как мокрый кусок мыла, и вцепляюсь в него крепче, будто он может удержать меня саму и не дать провалиться в холодную волну тревоги.

На лице Никиты ни капли былого веселья. У меня нет времени на то, чтобы копаться в его эмоциях, я слишком переполнена своими.

На объяснения и извинения я тоже не трачусь, когда говорю слишком резко:

— Мне срочно надо домой.

Изнутри меня колет по нервным точкам, но я настолько выжгла в своем подсознании перечень приоритетов, что сейчас они выходят на передний план, затмевая собой вероятность показаться наблюдающему за мной парню странной. Странной, проблемной, сложной!

Ведь на самом деле это так, моя жизнь… она неудобная. И я тоже неудобная. Для парней, развлечений, свиданий… для всего, на что имею право в свои девятнадцать.

— Что случилось? — получаю от него вопрос.

Он логичный в данных условиях.

— Дома… неприятности, — отвечаю уклончиво.

Вскользь я успеваю пожалеть, что не поехала с Арсом. — Извини, что так получилось.

Я не спрашиваю, может ли мы перенести наш разговор на другой удобный для обоих день. Не спрашиваю о причинах, заставивших его ждать меня два часа, я просто не могу сейчас думать ни о чём, кроме того, как быстрее оказаться у дома.

Может, своей незаинтересованностью я забиваю последний гвоздь в невидимую дверь между нами, но в моем случае выбор очевиден. На секунду от этой мысли становится ещё тяжелее, будто к тревоге прибавляется чертово сожаление, но я тут же отталкиваю его. Тащить на себе сейчас и это — мне не по силам.

— Где ты живешь? — Никита ныряет свободной рукой в карман джинсов и извлекает оттуда ключи от машины. Он очень сдержан относительно глубокой складки, появившейся между его бровей. Хмурится, но бесстрастен и в словах, и в действиях. В отличие от меня, потому что его вопрос и ключи от машины выглядят как предложение.

— На Воробьевых, — отвечаю прямо.

— Я тебя отвезу, — Никита разворачивается и делает шаг в сторону машины. Он не видит, что я медлю секунду. Всего секунду я испытываю сомнение, а потом следую вслед за парнем.

От бара до моего дома на личном транспорте быстрее. Здесь недалеко и дорога не перегружена.

Я не отказываюсь от его помощи. Или эта услуга. Что бы то ни было в понимании Никиты, я не отказываюсь, потому что этот его жест сэкономит мне время.

— Спасибо, — бормочу ему в спину. Благодарю, когда он открывает для меня переднюю пассажирскую дверь своего танка.

Он в бежевой отделке, внутри пахнет чем-то нейтральным, никаких резких запахов. Я на мгновение вспоминаю, при каких обстоятельствах мы «познакомились». Как на парковке Академии я чуть не попала под его колеса и как заверяла себя держаться подальше от его хозяина. Вышло наоборот.

Я сижу в машине Никиты и кошусь на мужские ровные пальцы, вбивающие в навигатор мой адрес. Каждое движение — чёткое, уверенное, без суеты. Внутри же меня хаос. Ураган, который ворочается где-то под рёбрами.

Я укладываю рюкзак к себе на колени и отвожу взгляд. Опускаю его в экран телефона, который не выпускаю из ладони, находясь в постоянном тревожном ожидании звонка от соседки.

Мне кажется, Никита это замечает — мою натянутость, но не стремится прокомментировать её во время пути. Может, потому что не хочет перегружать себя ненужной информацией, а, может, просто понимает, что сейчас любые слова будут лишним шумом. Так или иначе оба варианта меня устраивают и избавляют от необходимости что-либо расска-

зывать или, что хуже, врать.

Я слушаю мерное урчание мотора. Искоса смотрю на мужской, спокойный профиль и мысленно тороплюсь.

Тороплю, тороплю, тороплю! Подгоняю светофоры, вглядываюсь в окно, ерзаю по сидению…

— Как быстрее? Нормально, если здесь поверну? — уточняет Никита, будто чувствует мою внутреннюю гонку.

— Да. Там есть проезд, — я вытягиваю шею и всматриваюсь в лобое стекло, по которому мажут огни ночных фонарей, размазываясь в длинные жёлтые полосы. — Останови здесь, — машу рукой на круглосуточный супермаркет, — пожалуйста.

Никита бросает быстрый взгляд на навигатор. До моего дома примерно пятьсот метров, но их я преодолею сама.

Включив поворотник, он подтягивает машину к обочине и тормозит.

— Спасибо, — я суетливо копаюсь с ремнем безопасности. — Мой долг перед тобой растет с космической скоростью, — замечаю с нервной иронией, в ответ на которую не слышу комментария.

Когда поворачиваю голову и смотрю на Никиту, выражение его лица серьезное, таким я не видела его никогда. Левая ладонь лежит на руле, правая — прижата к бедру. Его шея по бокам усыпана мелкими завитками. Ему убийственно идет эта длина волос.

Отвожу взгляд. Я успела покраснеть, и это сейчас лишнее.

Хватаюсь за дверную ручку.

— Я провожу, — слышу в спину.

Щелкает ремень безопасности.

Я резко оборачиваюсь, успев сбиться в дыхании, отчего голос становится ломким, когда произношу:

— Нет! Не надо. В этом нет необходимости. Тут близко. Спасибо, что подвез, — останавливаю его, ощущая панический прилив к горлу. — Извини, ладно?

Я успеваю заметить, что губы Никиты плотно сжаты, прежде чем выпрыгнуть из машины.

Щемящее ощущение от того, что этот вечер так рано закончился, быстро меняется местами с нервозностью. Не оглядываясь, я удаляюсь от внедорожника Никиты и теряю световые дорожки от фар, завернув за угол многоэтажного соседнего дома.

Мои шаги быстрые, почти бегущие. Гул сердца отдаётся в висках, в кончиках пальцев, сжимающих лямку рюкзака.

Ныряю в арку, которая служит входом в мой двор, и окончательно перехожу на бег, когда до дома остается пятьдесят метров.

Дышу часто, каждый вдох царапает горло.

Игнорирую соседку, сразу подбегаю к отцу, лежащему на боку на скамейке сквера, прилегающему к торцу дома.

Я сажусь перед ним на корточки, рюкзак сваливается с плеча на землю.

— Папа, пап, вставай, — начинаю тормошить его за пле-

чо.

В горле образуется слезный комок.

— Я уже пыталась его поднять, — сообщает надо мной тетя Марина.

Комок превращается в прочную пробку, и воздуха становится катастрофически мало.

Меня душит: видеть беспомощного, пьяного, заваленного на бок отца. Душит понимание, что за это время его видели соседи, смотрели на него с осуждением и брезгливостью мимо проходящие незнакомые люди. Душит разочарование — острое, как осколок стекла, ведь я поверила ему!

Сегодня после обеда перед моим уходом на смену отец сказал, что хочет посмотреть нашу машину и подготовить ее для меня. Она стоит здесь, во дворе, и за два года, которые она провела без движения, успела «состариться». Два года назад отец заботился о нашей Киа, как о члене семьи, сейчас же… она превратилась в металлический памятник.

— Па-ап! Папа! — зову, бегая глазами по его лицу и пытаясь поймать хоть один осмысленный взгляд, но это бесполезно. Его глаза то вяло отрываются, то обессиленно смыкаются, губы что-то шепчут. Уличный фонарь подсвечивает его силуэт жёлтым, тусклым светом, позволяя выхватить в окружении темноты мокрые пряди волос, прилипшие ко лбу, и едва слышное дыхание.

Я доверилась ему. И теперь эта доверчивость кажется не просто ошибкой — она ощущается как тяжесть, которая тя-

нет меня вниз, ведь я сама привязала к своим ногам камень, поверив отцу и оставив ему ключи от квартиры.

— Опять сорвался? — не унимается тёть Марина. Я благодарна ей за звонок, но сейчас каждое её слово ложится на плечи ещё одним тяжёлым слоем.

Мне так горько, стыдно, обидно, что хочется кричать!

— Поднимайся! — проигнорировав вопрос соседки, тяну отца за руку, которая ощущается неподъёмной.

Он бессвязно мычит. Одна нога спадает со скамьи, и эта беспомощность больно бьёт по моим глазам. Слезы уже к ним рвутся. Злые и горячие.

Тормошу отца сильнее.

Ему много не надо, чтобы достичь такой кондиции. Он… Мой отец не алкоголик! Но даже небольшое количество спиртного делает из него овощ. Превращает в беспомощное тело, бродягу, выпивоху, бомжа, пропащего человека — так думает каждый, кто проходит мимо.

Я ненавижу его. Сейчас я его ненавижу!

— Пап, ну пожалуйста! — мой голос срывается и становится тонким, почти детским, и я ничего не могу поделать с этой слабостью. — Пошли домой, — прошу тихо я.

Когда отца удается растормошить, он принимает сидячее положение. Его шатает, голова свисает к груди, руки падают вдоль тела. Из кармана вываливаются ключи от квартиры — звенят коротко и обидно.

Я держу отца за плечо, чтобы не завалился, и поднимаю с

земли рюкзак и связку с ключами.

Как же стыдно. Как же невыносимо горько.

— Теть Марин, идите домой. Спасибо, что позвонили, — не оборачиваясь к женщине, произношу требовательно. — Пап, ты меня слышишь? Пойдем. Можешь идти? — умоляюще заглядываю отцу в глаза. Он смотрит мутно, поверхностно, но кивает. — Давай я тебе помогу. Опирайся, — я подсаживаюсь рядом и закидываю его руку себе на плечо. Обнимаю за талию, чувствуя под пальцами холодную ткань рубашки.

— Да куда ж ты собралась его тащить? Лизонька… — сетует соседка. — Давай я Алексея с первого этажа попрошу? Надорвешься же, милая… — суетится она.

— Пап, встаем, — говорю отцу, — теть Марин, не надо никого звать, идите, пожалуйста, домой, — едва сдерживаясь, прошу женщину.

Она вздыхает, охает, когда нам с отцом удается подняться, но в ту же секунду он заваливается на меня всей своей тяжестью, и мои ноги подламываются. Вцепляюсь пальцами в рукав отцовской рубашки, и мне удается удержать равновесие лишь потому, что внезапно моему телу становится легче.

— Тихо-тихо. Осторожно. Стоим, — звучит рядом голос, слышать который здесь и прямо сейчас так же неожиданно, как и видеть Никиту, подхватывающего отца с другой стороны. — Вот так. Я держу, — выглянув из-за плеча отца, он сообщает мне.

Глава 13.

— Какой подъезд? — уточняет Никита.

Это действительно он, мне не показалось.

Зажатая в скобах удушающих эмоций, я реагирую на вопрос с задержкой.

— Второй, — отвечаю больше машинально, чем вдумчиво.

Никита кивает, и мы начинаем движение. Неуклюжее и рваное, но оно есть. Мои пальцы всё ещё вцеплены в рукав рубашки отца, но теперь я не пытаюсь его тащить, а просто держу, и этого оказывается достаточно, потому что всю тяжесть забрал Никита. Он держит отца уверенно, твёрдо, как будто знает, как обращаться с чужой беспомощностью.

Почему он здесь? Почему не уехал? Он шел за мной? Зачем?

Я не озвучиваю вопросы вслух лишь потому, что их слишком много. Как и эмоций, которые стягивают грудь тугой, колючей петлёй — их не распутаешь парой слов.

Я удивлена видеть его здесь. Я не хочу и хочу его видеть. Я одновременно благодарна и зла на него! Ведь я просила меня не провожать! Я не готова демонстрировать кому бы то ни было изнанку своей жизни. Эту стыдную и тяжелую правду.

Вибрирую внутри себя от охватившего меня пожара эмо-

ций.

То, что тёть Марина плетется за нами, я понимаю чисто интуитивно.

Никита довольно бодро ведет моего отца. Адресует ему похвалу, когда тот поддерживает темп.

Я молчу как немая. Меня сковало по рукам и ногам. Лишь у подъезда я выталкиваю из себя слова, которые звучат с предупреждением:

— Спасибо. Дальше мы сами.

— Открывай, — Никита кивает на подъездную дверь. В его голосе нет упрямства. Только спокойная решительность и капля снисхождения, которая злит еще больше.

Я не хочу пускать его дальше. Не хочу, чтобы видел и знал больше того, куда и так непозволительно успел заглянуть. Неужели он не понимает? Неужели не видит, как стыд липнет к моей коже как сырая мерзкая одежда?

Я шумно выдыхаю.

— Я очень благодарна тебе за помощь, но дальше я сама справлюсь.

— Не сомневаюсь. Открывай, — снова кивает на дверь.

Я хочу завыть. Закричать! Чтобы перестал вгонять меня в краску! Не хочу ни помощи, ни жалости… Хочу провалиться сквозь землю! Масло в огонь подливает понимание, что мы оба знаем — я не справлюсь. Отец практически висит на Никите, и как бы я ни старалась и не кичилась, физически его не дотащу. Эта правда такая унизительная, что царапает

горло.

Сцепив челюсть, со злостью выжимаю цифры пароля на панели домофона. Так же зло дергаю железную дверь на себя. Действую на бурлящей импульсивной обиде, которая внезапно дает прилив злой энергии, по ощущениям напоминающую ядерное топливо.

Никита не отпускает отца ни на секунду. Ни в подъезде, ни в лифте, пока поднимаемся на семнадцатый этаж. Отец тихо стонет. Его голова безвольно клонится набок. Лифтовая кабина мгновенно заполняется нашей тяжестью — не только физической, но и той, что висит в воздухе. Он пропитывается омерзительным запахом алкоголя, и в тандеме со светом, подкрашивающим нелицеприятность происходящего, я начинаю трещать по швам.

Я смотрю в пол, на свои кроссовки. Смотрю на них, потому что если подниму глаза — развалюсь от стыда.

С дверным замком я справляюсь быстро. Широко распахиваю дверь и включаю в прихожей свет.

— Нормально. Еще немного, — Никита сопровождает попытки отца перешагнуть порог квартиры. Голос у него ровный, без напряжения, будто он специально подбирает слова, которые не давят, а держат моего отца.

Я отхожу на метр, даю им пространство. Папа шаркает ногой, пытается перенести вес, и я вижу, как у Никиты напрягаются плечи. Он тут же компенсирует нагрузку, подхватывает чуть крепче, не давая его телу обвиснуть.

Приседаю на корточки и стягиваю с отца обувь.

Наступив поочерёдно на задники кроссовок, Никита разувается.

Выпрямившись, я машу рукой в сторону гостиной, сообщая:

— Туда.

Устремляюсь вперед, чтобы зажечь в комнате свет. Перекладываю с кресла подушку на диван, на который Никита укладывает отца. Невнятно пробурчав, он поворачивается на бок и затихает.

Становится настолько тихо, что грохот моего сердца — будто единственный звук во всем мире.

— Вызвать скорую? — голос Никиты режет напряженную тишину.

Я поворачиваю к нему голову. Он смотрит на отца. Между бровями Никиты глубокая напряженная складка, длинная челка растрепалась по лбу, щеки красные.

— Нет, не надо. Он будет спать до утра, — говорю я, и этот ответ получается очень быстрым и уверенным, не давая усомниться, что такое с отцом не впервые, раз я настолько хорошо знаю его повадки.

Ощущение, будто я вырыла сама себе яму. Теперь Никита решит, что мой отец — алкоголик. А я … я дочь алкоголика. Эта мысль обжигает, царапает изнутри.

Дура.

Никита кивает. Водит глазами по обстановке в комнате.

Делает это не с привычной уверенностью, а будто бы опасливо. Я в тысячный раз трещу по швам от стыда. От неловкости, которая внезапно образовалась в этой тишине.

Он первый парень, кто оказался у меня дома. И я сжимаю кулаки, потому что мне обидно до головокружения при каких обстоятельствах он здесь. Тогда, когда всё самое некрасивое, самое стыдное выползло наружу и легло между нами колючей проволокой.

Я задерживаю дыхание, чтобы не вырвался душащий всхлип. Я хочу плакать. Очень-очень хочу.

— Где Роман? — тихо спрашивает Никита.

Подавив слезный комок, отвечаю:

— Он сегодня ночует у бабушки.

К счастью.

К счастью брат не видит, что его новый кумир заглянул в уродливую изнанку нашей с ним жизни.

Никита снова кивает. Прячет ладони в карманы джинсов. Тяжело вздыхает.

Неловкость! Между нами сейчас тесная, густая неловкость, она висит в воздухе, как сырой туман. Липнет к коже, мешает дышать. Никита словно пытается стереть ее, подобрать правильные слова, которые бы разом всё исправили, но не получается. Ни у него, ни у меня, и от этого становится только хуже.

Я тоже не знаю, что сказать.

— Спасибо за помощь, — нервно тру запястья ладонями.

— Не за что, — выдыхает он, слегка дернув уголком губ. Словно выдавив из себя эту неуклюжую и неловкую улыбку. — Точно не нужен врач?

— Нет, — я быстро мотаю головой. — Он проспится и завтра будет… в строю, — поджимаю губы, говоря этот фальшивый бред.

Улыбаюсь вымученно.

— Хорошо, — Никита улыбается в ответ. Снова осматривает комнату, бросает взгляд на отца, потом возвращает его мне.

Я не знаю, что делать. Что делать дальше! Как вести себя, что говорить! Предложить ему чай? Пожелать доброй ночи? Или спросить, зачем пошел вслед за мной?

Вопросы снедают!

— Спасибо еще раз, — произношу скованно.

Никита смотрит на меня. В глаза. Резко вскидывает руку и взлохмачивает челку.

— Мне… — коротко откашливается он, — наверное, пора, — взглянув на меня исподлобья, произносит с вопросом на губах.

Я дышу часто. Стискиваю губы, кулаки, поджимаю холодные пальцы на ногах.

— Я провожу, — отвечаю надтреснуто.

Никита громко выдыхает. Разворачивается и выходит из комнаты неторопливо, а у меня ощущение, что сбегает. Я смотрю ему в спину. Смотрю как обувается. И глотаю, гло-

таю, глотаю обиду, перемешанную с чувством стыда.

Мы прощаемся неловко. Желаем друг другу спокойной ночи, а когда я закрываю за парнем дверь, из меня будто разом выходит весь воздух. Ноги становятся ватными, и я медленно сползаю по стене на пол, прижимаю колени к груди, обхватываю их руками, словно пытаюсь собрать себя в комок, чтобы не рассыпаться. И только теперь, оставшись наедине с собой, из груди вырывается первый всхлип. Слезы катятся, и вместе с ними выходит обида и липкий стыд. Я не сдерживаюсь. Всхлипы становятся громче, плечи вздрагивают.

Я знаю, что он ушел «насовсем». Знаю это. Чувствую! Какими бы ни были его изначальные намерения, увидев мою жизнь, эти намерения рассыпались, как сухие листья под тяжёлым шагами.

Глава 14.

Никита

Толчок внутренним ребром конька. Вдавливаю лезвие в лед и отталкиваюсь.

Дальше серия коротких, частых толчков. Выпрямляюсь, оставаясь в «собранной» позиции. Сухие, резкие удары металла о лёд. Каждый толчок отдаётся в голеностопе, коленях, в плечах — всё тело работает как пружина, собранная в тугой узел.

Площадка малая, тренировочная, здесь особо не разгонишься, но она единственная была свободной.

Через четыре шага загоняю шайбу в пустые ворота.

— Сюда-а-а...! — комментирую попадание «в девятку».

Делаю триумфальный круг на одном коньке и с поднятой вверх клюшкой вокруг ворот.

Звук ритмичных аплодисментов отскакивает эхом ото льда и стен.

Торможу, высекая из-под конька ледяную стружку.

Пульс колошматит в горле, запястьях, пальцах, сжимающих клюшку.

— Если ты пытаешься скопировать Макдэвида, советую сразу распрощаться с этой затеей, — звучит голос после аплодисментов.

Отстегиваю ремень на шлеме. Снимаю. По шее вниз под воротник манишки стекает пот. Встряхиваю влажные волосы, сгоняя челку с потного лба.

— Это тренерский совет или отцовский? — медленно качусь к бате, облокотившемуся на бортик. Он в черной кепке и темно-синем спортивном костюме.

— Как угодно, — пожимает он плечом. — Так или иначе даже не пытайся повторить Коннора, у него инопланетная моторика. С такой рождаются.

Наверное…

Этот чувак за одну долю секунды успевает коснуться шайбы четыре-пять раз, тогда как средний игрок — один-два.

— То есть он особенный? — подкатываюсь к отцу и вытягиваю кулак в перчатке, по которому тот ударяет своим. — Привет.

— Здарова, — приветствует меня в ответ. Отец чуть приподнимает козырек бейсболки, чтобы заглянуть мне в глаза. Сейчас на коньках я его выше, а так мы с Литвиновым Андреем Викторовичем одного роста. — Коннор — просто Коннор, а ты сегодня неплохо держал линию. Не Макдэвид, конечно, но свой ритм нашел.

Я усмехаюсь. Батина похвала всегда скупая, но если она есть, — это всегда что-то надежное.

Литвинов не чикается. Конкретный и основательный мужик, не приемлющий соплей на льду. Его каждое слово ложится будто шайба в девятку: жестко, коротко и без лишне-

го трёпа. Его боятся. Но уважают. Есть за что. Всегда было. Он до черта лет является главным тренером юношеских команд «Сокол» и взрастил не одно поколение парней, которые потом выходили на большие арены. Я среди них. Отец и со мной не миндальничал. Спрашивал даже больше, чем с остальных. Это что касается льда. За его пределами же Литвинов — настоящий батя, с которым и в огонь, и в воду, и в очередь за шаурмой среди ночи.

— Нашел, — усмехаюсь я. Вскидываю руку, отирая перчаткой каплю пота, щекотно ползущую по щеке. — Только куда теперь с ним… — фыркаю.

В груди тяжелеет.

Я пользуюсь привилегией, что мой отец в Академии — авторитет. Для меня открыты двери площадок и спортивного зала, если те не заняты.

Я бываю здесь чаще, чем в универе. В одиночку раскатываю лед. В одиночку жму вес.

Не ради результата.

Не знаю, кому и что хочу доказать. Зачем каждый раз снова и снова возвращаюсь на лед…

Просто… блин, тянет. Где-то внутри меня словно щёлкает невидимый компас, а его стрелка упрямо указывает сюда.

Отец смотрит на меня из-под козырька, и в его взгляде ни капли сочувствия. Ни упрека. Ничего, за что бы я мог каждый раз чувствовать себя неблагодарным, избалованным, слетевшим с катушек сыном. В его взгляде только

самая спокойная уверенность и отцовская поддержка. Хотя по факту ему есть за что меня упрекнуть. Спустя два года я это ясно понимаю. Два года назад я феерично ушел из хоккея.

— Если нашёл — значит, пригодится, — отец говорит ровно, будто объясняет простейшую вещь.

— Уже не пригодится, — вырывается из меня с какой-то капризной вредностью. На себя. На… Да, плевать. — Постоишь на пятаке? — киваю в сторону ворот.

Отец вскидывает руку и смотрит на часы на запястье.

Цокает языком.

— У карасей уже тренировка началась. Давай после, — вынужденно отказывается он.

Я киваю. Дожидаюсь, пока за отцом закроется дверь, а потом теряюсь во времени, закидывая ворота шайбами.

Когда мышцы забиваются до неприятной, агрессивной тяжести, сворачиваюсь.

Снимаю шлем, перчатки и выхожу в коридор, в центре которого, опустив глаза в какой-то журнал, сидит Лиза.

Я останавливаюсь словно налетел на невидимую стену.

После интенсивной тренировки в моей голове чистый, звенящий вакуум: только эхо ударов шайбы о штангу, скрежет коньков и клюшки о лед, поэтому, прежде, чем более-менее дееспособная мысль успевает сформироваться в мозгу, меня замечают.

Лиза отрывает взгляд от журнала и поднимает лицо.

Смотрит на меня широко распахнутыми глазами. На расстоянии разделяющих нас метров в желтоватом свете они кажутся оливковыми. Волосы на висках туго стянуты и собраны на макушке в хвост, основная их масса рассыпана по плечам. Это красиво, ей чертовски идет.

Я мешкаю секунду. Скорее туплю после интенсива, но мой ступор — ни в коем случае не равнодушие.

Делаю короткий, чуть резкий выдох — выталкиваю из груди остатки ледяного воздуха.

Тело ещё гудит от нагрузки, мышцы дрожат при каждом шаге. Мое приближение Лиза сопровождает немигающим взглядом. Вчера она так же смотрела: круглыми удивленными глазами с всполохами паники, когда я подхватил ее отца. Черт возьми, для меня увиденное тоже стало неожиданностью.

После стремительного побега Лизы из машины маршрут к ее дому так и остался висеть на экране навигатора. В том, что у нее произошло что-то тревожное, я не сомневался, — она всю дорогу сидела как на гвоздях. Я без понятия, почему не уехал. Зачем всё же решил добить маршрут. Может, чисто из любопытства?

Тем не менее я и не думал, что увижу Лизу, суетящуюся над мужиком, лежащем на лавочке. Я принял его за пьяницу. А ее за ту, кто не может пройти мимо сирых и убогих. Вроде тех самых неравнодушных и самоотверженных. Или отмороженных.

Наверное, я бы дал по газам и свалил, если бы не увидел, как она водрузила крупного, на первый взгляд, мужика на свои хрупкие плечи. В тот момент я подумал, что она без башки. Я думал так примерно несколько секунд, а потом вылез из машины. Уже на подходе услышал, как она называла мужика — папой, а дальше… я не думал. Просто действовал, преодолевая искры смущения, которыми полыхала Лиза. Я сам загорался от этих искр и разгорелся, когда, уложив ее отца на диван, ушла тяжесть из рук, и мы остались с ней наедине. Неловкая тишина накатила на меня как цунами.

Я растерялся.

Всю дорогу до дома возвращался в квартиру Лизы. Обстановка там более чем скромная. Я не помню всех деталей, но они все на своих местах.

Я ничего не знаю о ее семье. Ее семья — последнее, о чем я думал, когда приехал к ней в бар. Но после незапланированного знакомства… черт, я слегка под впечатлением. Пока не разобрался, под каким именно, но в любом случае я не собираюсь его демонстрировать.

Останавливаюсь в шаге от Лизы. Краска на ее щеках становится алой.

Перекладываю клюшку, шлем, краги в одну руку. Свободной стираю влагу с шеи сзади.

— Привет, — произношу хрипловато.

Лиза закрывает журнал, оставляя тот лежать на коленях. Смотрит на меня, вскинув лицо.

— Привет, — отвечает скованно. Ее глаза панически мечутся по моему лицу словно она пытается за что-то зацепиться.

Цепляться не за что, я не собираюсь заострять внимание на вчерашнем вечере. Может, я не прав…

Может, сейчас уместно спросить, как дела и самочувствие у ее отца, а не у нее самой, но интересуюсь я именно этим:

— Как дела?

Глаза Лизы исследуют меня быстро, тем не менее она успевает познакомиться со мной в хоккейной нейтральной форме и адреналином, который всё ещё бежит по венам, и стекает пОтом по лицу.

Я не понимаю, нравится ли ей или нет. Она снова смущена, и сквозь эту краску сложно прорваться.

Полагаю, её, в отличие от меня, парит вчерашнее.

Меня не парит. По крайней мере я не смотрю на неё по-другому. Она всё еще нравится мне. Есть в ней что-то, что манит.

— Да всё отлично, — старательно непринужденно отвечает Лиза, но звучит как броня. — Как у тебя? — она проводит по мне прямую линию от подбородка до середины грудины. — Ты… тренируешься здесь?

Лиза откладывает журнал рядом с собой, и, скользнув взглядом по обложке, замечаю, что это экзаменационные билеты ПДД.[4]

---

[4] ПДД — правила дорожного движения

Слегка дергаю бровью.

— Вроде того, — усмехаюсь. — А ты… — киваю на сборник билетов, — тоже «тренируешься»?

— Вроде того, — отвечает с улыбкой.

— И как успехи?

— Иногда мне кажется, что перекрёстки специально придуманы, чтобы свести меня с ума.

Я улыбаюсь. Вскидываю руку и ладонью зачёсываю назад волосы, которые от влаги превратились в мелкие спирали.

Лиза прищуривается.

— Что, даже советом не поделишься? — иронизирует она, доставая из меня широкую улыбку.

— Хочешь мой совет? — выгибаю я брови. — Я предупреждал, что к ним развивается зависимость? — спрашиваю с преувеличенной самоуверенностью.

Лиза закатывает глаза. Алая краска на ее щеках уступила место очаровательному румянцу. Это не просто мило, это красиво.

Чувствую, как мой кадык дергается.

Я сглатываю и шумно выдыхаю.

Кажется, у меня тоже появляется зависимость.

— У меня иммунитет ко всяким глупостям, — отзывается она весело.

— Посмотрим, — пожимаю плечом.

В конце коридора становится шумно. Мы разрываем зрительный контакт, в котором находились во время нашего раз-

говора, и смотрим туда, где из двери большой ледовой площадки высыпаются пацаны после тренировки.

Среди них я различаю брата Лизы. Он единственный кто не в клубной форме.

— Вы сейчас домой? — вернув внимание девушке, мне приходится увеличить громкость, чтобы перекричать гул, заполонивший коридор. — Подвезти? — предлагаю я.

— Нет, нам по делам. Спасибо, — поспешно отвечает Лиза. В ее отказе столько автоматической осторожности, что я даже не пытаюсь настаивать.

Тем не менее я не хочу ее отпускать. Это желание тоже автоматическое, и оно тянет за собой вопрос, которого даже в мыслях не было еще минуту назад:

— Какие планы на завтра?

Шум за спиной превращается в хаос. Он раздражает, делая наш разговор похожим на перекличку глухого с немым.

Лиза смотрит на меня круглыми глазами.

— Я завтра работаю, — отзывается она растерянно.

— В баре?

В конце коридора что-то грохает.

Черт.

Её ответ тонет в гуле, но кажется, она что-то сказала про другое место.

Сзади громкий смех и топот слонов.

— Дай мне твой телефон, — я вытягиваю ладонь.

Мне не приходится пояснять, для чего он мне нужен.

Судя по всему мы на одной волне, когда Лиза достаёт из кармана телефон и протягивает его мне.

Пальцами свободной руки я забиваю свои цифры и делаю себе дозвон.

— Теперь у тебя есть мой номер, — возвращаю андроид Лизе.

— Я так счастлива, — фыркает она.

— Верю, — улыбаюсь.

Я сообщаю, что наберу её. Это не пустой треп, я в самом деле собираюсь сделать это.

У мужской раздевалки, куда держу направление, притормаживаю. В стороне от входа мой отец возвышается над братом Лизы. У того глаза по пять копеек.

— …ты у нас долго собираешься зайцем заниматься? — доносится до меня голос Литвинова. Не злобный, скорее насмешливый, но пацан втягивает голову в плечи, словно его припечатало тяжёлой плитой. Мнёт край хоккейного свитера, смотрит в пол, будто там написан правильный ответ.

— Папа скоро приедет и подаст документы. Он в другом городе в командировке, — бормочет Роман.

Вчера поздно вечером его отца я уложил на диван в абсолютно невменяемом состоянии. Какими сверхспособностями нужно обладать, чтобы уже сегодня днем оказаться в другом городе?

— А кроме папы некому написать заявление? — интересуется мой отец.

Поджав губы, пацан отрицательно крутит головой.

Глава 15.

Лиза

Как только закрываю за собой входную дверь, в меня сразу врезаются Ромкин голос и запах вареной картошки.

Когда я уходила на занятие по теории вождения, брат ругался с отцом. Точнее выплескивал злость после тренировки. Литвинов прижал Рому вопросом о зачислении, на что ему пришлось соврать.

Я так и не разобралась с этим пунктом. Он висит как дамоклов меч над моей головой.

Следующая тренировка у Ромы в понедельник. То есть у меня только эти выходные, чтобы каким-то образом договориться с отцом при всем моем нежелании с ним коммуницировать. А других вариантов попросту нет.

Ромка выкатил мне ультиматум — если до понедельника мы не разберемся с вопросом о его зачислении, больше на тренировку он не пойдет и вообще бросит хоккей.

Я представляю, как стыдно ему было перед Литвиновым, поэтому закрыла глаза на это заявление, больше напоминающее детскую, подкрашенную обидой вредность.

— У него голова болит, дай ему таблетку, — звучит над моей головой голос Ромы, пока, нагнувшись, снимаю крос-

совки.

— Мне можно разуться? — поднимаю глаза к брату.

— Я просто сказал, — фыркает тот.

— Я услышала, — выпрямляюсь.

Позади Ромы шарканье ног.

— Лиза… где коробка с отвертками? — спрашивает отец. Его голос слабый и ломкий, но выглядит он бодрее, чем утром.

Утром он напоминал смятую бумагу. Ему было хуже, чем состояние «плохо». Я смотрела на него и чувствовала, как во мне поднимается горячая, горькая волна — обида, усталость, отчаяние, всё сразу! Эмоции накатывали всю ночь, копились где-то под рёбрами, и к утру в груди и голове было так тяжело, что казалось, если не выплесну, меня изнутри разорвёт. Я сорвалась. Закатила скандал, при этом испытывая какое-то уродливое удовлетворение, что мой крик доставлял отцу физическую боль. Мне отчаянно хотелось вытряхнуть его из самого себя.

Хорошо, что Рома ночевал у бабушки и не видел всего этого утреннего кошмара.

— Спрятала, — отвечаю отцу сухо.

— Я искал у нас, но не нашел, — сообщает Рома.

— Зачем вам отвертки? — уточняю и протягиваю ему пакет. — Возьми.

По дороге домой я купила немного сладостей к чаю, связку бананов и две пачки чая, который улетает как горячие пи-

рожки. Нас с Ромой целыми днями нет дома, а отец любит чай. Мне не жалко.

— Он надеется, что сделает дверь на обувнице, — хмыкает брат, после чего глазами ныряет в пакет. — О-о-о… это годится! — довольно заключает. — А я картошку сварил, а он… окорочка пожарил, — Рому даже не смущает тот факт, что отец стоит рядом и слышит его пренебрежительное «он».

— Где вы окорочка взяли? — удивляюсь, обходя обоих.

— Бабушки приезжала, привезла, — сообщает брат.

— Понятно. — Я щелкаю выключателем и скрываюсь за дверью ванной.

Мою руки, умываю лицо.

В заднем кармане джинсов вибрирует телефон. Короткая трель сообщает о входящем сообщении. Мой пульс рывком подскакивает от удара по нему дозой адреналина, дыхание рвется.

С того момента, как Никита узнал мой номер и поделился своим, я сама не своя. Реагирую на всё входящее как одержимая. Телефон стал продолжением меня, я остаток дня не выпускала его из рук. Это глупо, но я ждала все это время — звонка, сообщения — без разницы!

Мурашки от взволнованности рассыпаются по рукам с очередной трелью.

Я быстро закрываю кран и вытираю руки. Смотрю на себя в зеркало. Щеки горят, глаза тоже. Это смешно, ведь сообщение могло прийти от кого угодно. Вероятность увидеть на

экране ник Арины в несколько раз превышает вероятность увидеть имя парня, но этот факт не уменьшает силы моего ожидания.

От волнения я несколько раз тяжело вздыхаю.

Лезу в карман за телефоном. Разблокировав, по всплывшему уведомлению сразу понимаю, что чат в списке новый. От этого понимания сердце чудит — начинает скакать как умалишенное!

Усаживаюсь на край ванны. Пластик во влажных ладонях стал раскаленным.

Я не тороплюсь нырнуть в чат, хоть и нестерпимо хочется, но так открыто демонстрировать свою заинтересованность тоже страшно.

Выдерживаю томительную паузу. Мусолю глазами экран.

За дверью движение. Голоса Ромы и отца. Я заставлю себя сконцентрироваться на них, но они — только фон. Лишь тонкий, едва уловимый шум, который не может заглушить тот гул в груди, где сейчас всё сжалось до одного единственного момента — телефон и ожидание.

Меня хватает на две минуты, после которых я открываю чат.

Дизайнерские гены: тук-тук, можно?

Дизайнерские гены: Кто-нибудь, позовите Лизу — прикольно)))) — оценивает он мой ник.

Я стискиваю губы, глядя на его ник — «Дизайнерские гены», а потом расплываюсь в широкой улыбке, ведь это так

чертовски ему подходит!

Мне даже аватарку увеличивать не нужно, чтобы догадаться, кто ко мне постучался. Тем не менее я уже несколько секунд изучаю фотографию, точнее селфи Никиты. Оно сделано будто бы во время пробежки или тренировки. Никита там в черном фирменном лонгсливе и морщится. Делает это смешно, слегка сощурив один глаз. Его волосы зачесаны назад и держатся в таком положении за счет очков. В ушах беспроводные наушники.

Я скроллю дальше, но у него всего одно фото, и мои глаза снова прилипают к нему, пока на экране не появляется новое сообщение:

Дизайнерские гены: аву мою разглядываешь?)))))

Из меня вырывается изумленный выдох. Лицу становится жарко, потому что к нему прыснула горячая кровь, ведь меня… поймали!

Как он это делает?

Медленно вдохнув, пытаюсь с собой совладать.

Пальцы чуть дрожат, но я заставляю их печатать ровно и не спеша.

Кто-нибудь, позовите Лизу: еще чего! Просто пыталась вспомнить, кто в моем окружении может иметь такой самовлюбленный ник)))

Прочитано.

Дизайнерские гены: почему самовлюблённый? Это проявление уважения и гордости за уникальную наследствен-

ность)))))

Изо рта выпрыгивает смешок.

Кто-нибудь, позовите Лизу: ты невыносимый!))))))

Дизайнерские гены: Я умственно весёлый)))

Атакующая мои губы улыбка заставляет мышцы лица ныть.

Я кусаю костяшку указательного пальца правой руки. Небрежно убираю за уши волосы, упавшие на глаза, потому что они мешают разглядеть внезапно поменявшуюся на экране аватарку. Я увеличиваю её. На ней Никита с обнаженным торсом, на плечо заброшена футболка, волосы спрятаны под бейсболку, надетую козырьком назад. Это не селфи. Это снимок, сделанный кем-то в темноте. Никита среди толпы, и он… он в ней свободный и счастливый.

Я поджимаю кончики пальцев на ногах.

Теперь жар заливает не только лицо, но и всё тело, которое неожиданно становится слишком чувствительным: к швам на надетой на мне футболке, к воздуху, пропитанном запахом мыла, к сердцебиению.

Я больше не улыбаюсь. Я жадно разглядываю фотографию, увеличиваю ее до таких размеров, что начинаю ощущать запах его обнажённой здоровой кожи.

Я крупно вздрагиваю всем телом, когда в дверь прилетает удар, а телефон в моей ладони снова коротко вибрирует.

— Еще немного и мой мочевой пузырь сделает всем ручкой! — орет Ромка, еще раз шибанув в дверь. — Ты там

жива? Это уже неприлично, столько занимать общественное место!

— Скройся! — толкаю дверь пяткой.

— Я не могу больше терпеть!

— Я в тебя верю! — отзываюсь и ныряю в чат.

Дизайнерские гены: разглядела?))))

Да он издевается!

Шумно выдыхаю.

— Выходи! — не унимается под дверью Рома.

— Минуту!

— А Лиза дура!

А-а-аа! Стискиваю кулаки. Зажимаю телефон и открываю защелку.

— Убью! — рычу на брата и в шутку замахиваюсь на него.

Тот уворачивается и ныряет в туалет, закрыв на замок дверь.

Я тоже закрываюсь, когда залетаю в спальню. Делаю несколько проходок взад-вперед, придумываю ответ. Ничего остроумного не лезет в голову, в ней будто нет места! Всё занято жаром!

Сажусь на кровать, поджимаю под себя ногу. Стучу костяшкой пальца по зубам, зависнув над открытым чатом. Никита в сети, и его насмешливо-дразнящее «разглядела?» там же.

Мои глаза уже сотню раз очертили его безупречные рельефы на фото, но, разумеется, я в этом не признаюсь.

Кто-нибудь, позовите Лизу: Еще бы! Такую раздутую самоуверенность сложно не разглядеть!

Я поджимаю губы. Представляю, как Никита сейчас читает это сообщение. Интересно, он улыбается? Где он его читает, при каких обстоятельствах? В какой позе?

Я забираюсь в кровать с ногами и сажусь по-турецки.

В ответ мне приходят три смеющихся смайла. Я улыбаюсь, глядя на них.

Дизайнерские гены: я тоже разглядел

Дизайнерские гены: у тебя ровно 12 веснушек на правой щеке

Я пробегаюсь глазами по двум последним сообщениям и все равно туплю.

О чем он?

А когда понимаю, внутри всё подпрыгивает и тут же замирает, как будто мир на секунду выключил скорость. Он разглядывал мою аватарку. Долго. Так долго и внимательно, что сумел пересчитать веснушки, которые одолевают меня каждым летом.

Я уже и забыла про эту фотографию. Забыла, что вообще установила на аву, и никогда не придавала этому значения, а сейчас я лихорадочно скроллю экран и оживляю в памяти всё, что когда-то установила на аватарку. К счастью, фотографий немного, а последнее фото сделала Арина в июле, когда мы ездили в область на озеро. На снимке я смотрю в объектив на фоне розово-голубого заката. Мне тогда было

красиво.

Дизайнерские гены: красиво

Это одно слово… от него внутри всё звенит.

Я тру запястье. Скачу взглядом по стеллажу с кубками Ромки, задеваю синтезатор. Смотрю бездумно, потому что не могу думать ни о чем, кроме того что ответить. Или смолчать?

Это комплимент?

Я опускаю глаза. Экран потух. Разблокировав его, вижу, что Никита в сети. Где бы сейчас он ни находился и чем бы ни был занят, он ждет ответа. Не сворачивает чат. Это волнует!

Кто-нибудь, позовите Лизу: Закат в тот день был действительно красивым

Гашу дисплей. Пихаю телефон под ягодицу. Ну и глупость!

Как стыдно! Заваливаюсь на постель и с силой утыкаюсь лицом в подушку, прячась от своей дури!

— Ты че? — раздается в дверях голос брата. — Убиваешься? Ты же так не убьешься! — веселится засранец. — Пойдем лучше ужинать!

Под задницей вибрирует телефон.

Отрываю голову от подушки и гневно смотрю на брата.

Остряк!

— Сейчас приду, — сообщаю ему.

Брат с секунду сверлит мой лоб сощуренным, подозри-

тельным взглядом, а потом, кивнув, скрывается за дверью.

Я хватаю телефон, читаю висящее сообщение:

Дизайнерские гены: я даже не заметил его))

Пыльца смущения обсыпает меня с головы до ног: цепляется за ресницы, щекочет шею, ложится на плечи и руки…

Эта переписка… она шутливая. И я должна воспринимать ее так, но Никита умудряется выбить меня из равновесия.

Я не знаю, что ответить. Тоже свести в шутку? Или поблагодарить за комплимент, если он вкладывал именно этот смысл?

Растерявшись, отмечаю последнее сообщение смайлом-милой-улыбкой.

Точки на экране начинают плясать.

Дизайнерские гены: ты говорила, что завтра работаешь?

Я выдыхаю. Кажется, моей реакции было достаточно, и это облегчает мое состояние всего на миллиграмм и на секунду, потому что я вспоминаю, что сегодня Никита интересовался моими планами на завтра.

Я закусываю губу, провожу прядью волос по щеке.

Я взволнована так, что снова становлюсь чувствительной. К тишине, к тусклому свету настольной лампы, к сквозняку, путающегося в ногах.

Завтра у меня утренняя смена в кулинарной лавке на Тверской-Ямской. Я подрабатываю и там. Совмещаю смены в баре со менами в кулинарии, а иначе бы мы питались святым духом. Отец не работает, а бабушкиной помощи недо-

статочно, чтобы покрывать даже половину наших затрат.

Отвечаю лаконично:

Кто-нибудь, позовите Лизу: да

Дизайнерские гены: до скольки?

Кто-нибудь, позовите Лизу: до 13.30

Сообщение тут же прочитано, но неожиданно Никита выпадает из сети. Уходит из чата.

Взрыв паники вызывает короткосрочное головокружение. Я судорожно бегаю глазами по нашей переписке, пытаясь понять что не так.

Я мотаю переписку туда-сюда. Выхожу, захожу в чат. Стараюсь угомонить сердцебиение, но оно шалит, скача как по кочкам. Когда телефон в руке вибрирует, сердце обрывается.

Дизайнерские гены: составишь мне компанию на дне рождения? Завтра,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.